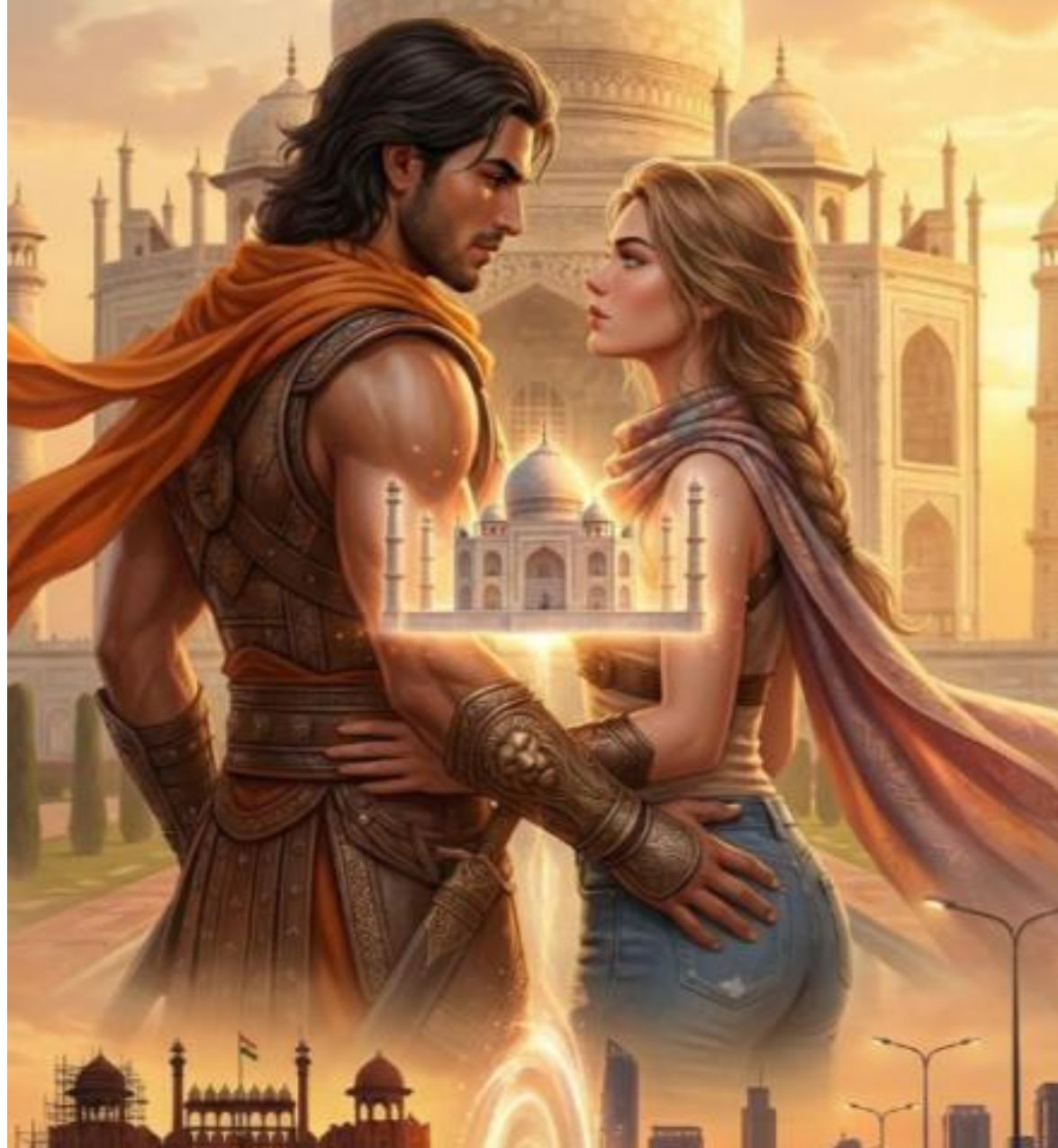

Спасти Тадж-Махал

Саша Бездушная
Спасти Тадж-Махал

«Литнет»

2026

Бездушная С.

Спасти Тадж-Махал / С. Бездушная — «Литнет», 2026

Хроники неудачливой свахи, или как я, Светик, пыталась спасти Тадж-Махал. Светлана — историк-искусствовед, которая знает о Великих Моголах всё. Ну, почти всё. Она точно знает, что падишах Шах-Джахан безумно любил свою жену Мумтаз-Махал и после её смерти построил Тадж-Махал. Это факт. История. Незыблемо. Поэтому, когда Света случайно проваливается в 1628 год прямиком на стройку Красного форта, у неё есть простой план: тихо наблюдать, не вмешиваться и найти способ вернуться домой. План проваливается в первую же минуту, когда она объявляет себя божественной посланницей, критикует императорских строителей и привлекает внимание самого опасного человека во дворце — Амара Сингха, начальника стражи с внешностью падшего ангела. Дальше — хуже. Падишах внезапно решает, что странная чужеземка интереснее любимой жены. История трещит по швам. Тадж-Махал под угрозой. И теперь Свете нужно срочно стать свахой для императорской четы — пока Амар не скормил её шакалам, пока падишах не засыпал её розами до смерти, и пока она сама не влюбилась в того, в кого влюбляться категорически не планировала. Миссия: спасти величайший памятник любви. Препятствия: один невыносимый раджпут, который почему-то не хочет отпускать её ни в прошлое, ни в будущее. Идеальная история для тех, кто любит:· попаданок, которые всё портят (и всё исправляют);· суровых мужчин, которые тают от дерзких женщин;· исторические декорации с шепоткой магии;· смех до слёз и любовь до мурашек. Она пришла спасти Тадж-Махал. А спасла — себя. Вторая книга цикла про попаданок в прошлое. Первая книга :

© Бездушная С., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Падишах, который не хотел слышать о любви	6
Визуалы	11
Глава 2. До того как я стала проблемой императорского масштаба	12
Глава 3. Амар: О том, как рушатся стены	23
Глава 4. О том, как я стала личной проблемой начальника стражи	30
Глава 5. Неожиданный дар	38
Глава 6. Амар: О том, как я перестал контролировать себя, падишаха и эту невозможную женщину	49
Глава 7. О том, как я пыталась стать скучной	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Глава 1. Падишах, который не хотел слышать о любви

Глава 1. Падишах, который не хотел слышать о любви

Когда тебя везут в императорский дворец в паланкине, который трясется так, будто его тащат не шелковые носилки, а телега с картошкой по полю после бомбежки, волей-неволей начинаешь переосмысливать свою жизнь. Меня зовут Светлана, для друзей — Света. И да, в данный момент я была максимально далека от света. Я болталась в душном ящике, пахнущем сандалом и чьим-то застарелым потом, и мечтала только о двух вещах: глотке воды и возможности незаметно почесать то место, которое натер грубый шелк подушки.

«Света, — сказала я себе мысленно, — ты историк-искусствовед. Ты реставратор. Ты специалист по могольской архитектуре. Ты знаешь, как укладывали изразцы в технике „парчин-кари“ и какой процент извести добавляли в раствор для фонтанов. Ты готова ко всему. Кроме одного».

Кроме того, что прямо сейчас, в 1628 году, за мной едет самый красивый мужчина, которого я видела в обеих своих жизнях, и он меня ненавидит.

Амар Сингх. Даже имя у него было как хлесткий удар плети. Он сидел в седле так, словно конь был продолжением его бёдер — и да, я только что подумала о его бёдрах. Простите. Это всё жара. Когда столбик термометра, если бы он существовал, перевалил бы за сорок, а ты заперта в деревянной коробке, мысли приобретают несколько... физиологический уклон. Я выглянула сквозь резную решётку и тут же пожалела. Он обернулся, поймал мой взгляд, и его чёрные глаза сузились с таким выражением, будто я не пассажирка, а контрабанда, которую он мечтает досмотреть лично и со всем пристрастием.

— Тебе что-то нужно? — спросил он. Голос низкий, обволакивающий и абсолютно лишённый какой-либо приязни.

— Мне нужно в дамскую комнату, — ляпнула я и тут же осознала, что дамских комнат в XVII веке не предусмотрено.

Он приподнял бровь. Всего одну. Но сколько в этом движении было скепсиса!

— В гареме есть купальни, — процедил он. — Если падишах сохранит тебе жизнь, возможно, тебе позволят там убирать.

Я закатила глаза и плюхнулась обратно на подушки. Сарказм — это, конечно, универсальный язык, но мне бы сейчас пригодился универсальный дезодорант. От меня пахло пылью, страхом и тем самым углом археологического раскопа, где я имела глупость открыть проклятый ларец. Кстати, о ларце — он каким-то образом уменьшился до размеров спичечного коробка и теперь болтался у меня на шее, спрятанный под рваной рубашкой. Вместе с ним болтался и мой айфон, который, увы, не ловил сеть. Хотя вай-фай от Великих Моголов я бы не отказалась протестировать.

Дворец в Агре вырос перед нами внезапно — красный, огромный, кричащий о богатстве и власти. Меня вытряхнули из паланкина прямо во внутренний двор, вымощенный мрамор-

ными плитами, которые уже нагрелись так, что через тонкие подошвы моих — о боги — балеток я чувствовала себя яичницей на сковородке. Я огляделась. Фонтаны, цветы, аромат жасмина, смешанный с мускусом. И стражники. Много-много стражников, вооружённых до зубов и глядящих на меня как на экспонат кунсткамеры.

— Жди здесь, — бросил Амар Сингх и исчез за ажурной аркой. Я осталась стоять, переминаясь с ноги на ногу. Мимо проплыли две служанки в ярких шальварах. Они прикрыли лица краем дупатты и захихикали, разглядывая мои джинсы.

— Девочки, — прошептала я им вслед, — вы даже не представляете, что такое скинни-джинсы в такую жару. Мой первый совет падишаху: ввести в моду шорты.

— Ты что-то сказала, чужеземка? — раздался сзади вкрадчивый голос.

Я подпрыгнула на месте. Передо мной стоял евнух. По крайней мере, я надеялась, что это евнух, потому что его гладкое лицо и пронзительный взгляд не оставляли сомнений: этот человек знает всё и обо всех. Его звали, как я позже узнала, Хошдар, и он был хранителем протокола. А ещё он смотрел на меня так, будто прикидывал, сколько динаров можно выручить за мои волосы.

— Я сказала, что восхищена красотой этого места, — выкрутилась я, изображая восторг.

— Восхищена настолько, что упоминала какие-то «шорты»?

— Это такое... архитектурное понятие. Короткие контрфорсы. Очень укрепляют стены.

Хошдар моргнул. Я мысленно поставила галочку: «Ври увереннее, Света, у тебя неплохо получается».

В этот момент заиграла невидимая музыка, и в зал начали входить придворные. Я нервно одёрнула свою рубашку, которая теперь больше напоминала тряпку для мытья полов. Что я скажу падишаху? «Здравствуйте, я ваша тётя из будущего, не могли бы вы не влюбляться в Мумтаз, а то у меня диссертация под угрозой»? Нет, так не пойдёт. Нужна легенда. Легенда, достойная «Тысячи и одной ночи». И я её уже придумала. Почти. Осталось только вспомнить, что именно я плела тому бугаю на стройке про богов. Ах да, Вишну. Классика.

Распахнулись высокие двери, и в зал стремительно вошёл Он. Шах-Джахан. Живой. Настоящий. Не портрет на миниатюре, не строчка в учебнике. Человек, который построит Тадж-Махал.

И он был... уставшим. Вот что меня поразило. Под великолепным тюрбаном, усыпанным алмазами, скрывались тени под глазами. Взгляд — острый, цепкий, но какой-то загнанный. Он двигался так, словно за ним гналась свора невидимых псов. Он был невероятно хорош собой — даже в моём времени с его фитнес-блогерами и актёрами Болливуда я не видела такой мужественной красоты. Но при этом от него веяло одиночеством. Тем самым, какое бывает у людей, которые управляют империями, но не могут управлять собственным сердцем. Или у менеджеров высшего звена в конце квартала. Одно и то же, если честно.

Следом за ним, как приклеенный, вошёл Амар Сингх. Я сразу почувствовала его присутствие, хотя он встал чуть поодаль, у колонны. Он не сводил с меня глаз. И в этих глазах я читала не только подозрение — там было что-то ещё. Что-то похожее на... любопытство? Или мне просто хотелось так думать, потому что его скулы сводили с ума?

— Подойди, — произнёс падишах.

Ноги у меня внезапно стали ватными. Я сделала шаг. Потом ещё один. И тут случилось то, чего я боялась больше всего. Моя нога, привыкшая к ровному асфальту мегаполиса, запнулась о мраморный порожек, который я, разумеется, не заметила. Я начала заваливаться вперёд, прямо на священную особу падишаха.

Время замедлилось. Я успела подумать: «Вот так, Света, ты и войдёшь в историю, как та дура, что растянулась у ног властелина мира, задрав при этом задницу». Я уже приготовилась к позору, но чья-то железная рука перехватила меня за талию в самый последний момент и рывком поставила вертикально. Это был Амар Сингх. Он двигался быстрее, чем мой мозг обрабатывал информацию. Его пальцы на мгновение сжались на моей талии — крепко, до лёгкой боли, — и я почувствовала жар его ладони даже сквозь слой пыли и страха. Он отпустил меня так же резко, как схватил, и отступил, но в его глазах мелькнуло что-то опасное. Не злость. Скорее, раздражённое осознание того, что он только что коснулся меня.

— Следи за своими ногами, чужеземка, — тихо прорычал он.

— Спасибо, — пискнула я, но мысль побежала совсем в другом направлении: «Боже, какой мужчина. Руки как тиски. Интересно, он везде такой... жёсткий?» Я мысленно отвесила себе оплеуху. Соберись, Света, перед тобой падишах, а ты думаешь о бицепсах его охранника!

Шах-Джахан наблюдал за этой сценой с лёгким удивлением, смешанным с весельем. Уголок его рта дрогнул. Он опустился на низкий диван, заваленный подушками, и жестом приказал мне сесть напротив. Я плюхнулась на ковёр, скрестив ноги по-турецки, и тут же осознала, что мои джинсы предательски треснули на колене. В наступившей тишине этот треск прозвучал как пушечный выстрел.

— В твоей стране, я смотрю, суровые нравы, — заметил падишах, кивая на мои голые колени, выглядывающие из дыры. — Женщины носят штаны и показывают кожу. Это новый обычай?

— О великий падишах, — я решила, что лучшая защита — это нападение, и начала врать с вдохновением, — это не просто штаны. Это одеяние, даруемое богами тем, кто призван говорить правду. Видите эту прореху? Это символ открытости! Чем больше дыр, тем правдивее пророк.

Я с ужасом слушала собственный бред. Амар Сингх за моей спиной издал звук, подозрительно похожий на сдавленное рычание. Шах-Джахан же, напротив, откинулся на подушки и рассмеялся. Его смех был неожиданно мелодичным и молодым.

— Забавно, — сказал он. — Мой начальник стражи доложил, что ты объявила себя посланницей Вишну и раскритиковала моих строителей. Это так?

— Это так, — я гордо вскинула голову. — Ваш фундамент под Лахорскими воротами просядет через пятнадцать лет. Я знаю это, потому что боги открыли мне будущее.

— И что ещё открыли тебе боги? — он подался вперёд. Теперь его взгляд стал колючим, испытующим. Я поняла, что шутки кончились.

— Многое, мой повелитель. Но не всё можно говорить вслух.

— Тогда скажи что-нибудь, что можно. Что-нибудь, что докажет твои слова.

В зале повисла тишина. Я чувствовала, как затылком упираюсь в невидимый луч взгляда Амара Сингха — он ждал, когда я ошибусь. Мне нужно было что-то такое, что уже известно, но не афишируется. Что-то личное. И тут меня осенило. Я подалась вперёд и прошептала, надеясь, что мой фарси звучит достаточно таинственно:

— У вашей супруги Мумтаз-Махал, да продлятся её дни, есть родинка в форме полумесяца. На левом плече. Она никому её не показывает. Но боги видят всё.

Это был блеф чистой воды. Я понятия не имела, есть ли у неё родинка. Но в исторических хрониках упоминалось, что Мумтаз была очень стыдлива и никогда не раздевалась даже перед служанками. Так что проверить это мог только сам Шах-Джахан. И, судя по тому, как изменилось его лицо — как побледнел его лоб, как расширились зрачки, — я попала в точку. Или, наоборот, влипла ещё сильнее.

— Оставьте нас, — приказал он вдруг резко. Все придворные, кланяясь, попятились к выходу. Хошдар замешкался, но падишах повторил: — Все. Кроме Амара Сингха.

Когда мы остались вдвоём, он поднялся и медленно подошёл ко мне. Я сидела на ковре и чувствовала себя муравьём перед лупой. Он наклонился, и я увидела в его глазах не гнев, а страшную, всепоглощающую тоску.

— Ты знаешь, — произнёс он одними губами. — Ты правда знаешь то, что скрыто. Тогда скажи мне... Скажи, моя любовь к ней — она вечна? Мы будем вместе даже после того, как этот мир обратится в прах?

Я открыла рот. Слова застряли в горле. Я пришла сюда спасать историю, напоминать ему о великой любви, а он сам спрашивает меня об этом! Это же идеальный момент! Сейчас я скажу: «Да, ваша любовь затмит века, и весь мир будет помнить о ней», — и он побежит к Мумтаз с букетом роз, а я тихо исчезну. Но мой проклятый язык снова сработал быстрее мозга. Я вспомнила усталость в его глазах, вспомнила, что у него гарем, что он только что взойшёл на престол и на него давит вся империя, и вдруг ляпнула:

— Любовь — это не то, что можно предсказать, мой повелитель. Даже богам. Она — как сад: её нужно поливать. Иначе засохнет. Даже самая великая.

Повисла пауза. Амар Сингх за моей спиной, кажется, перестал дышать. Я и сама испугалась собственной дерзости. Но Шах-Джахан вдруг горько усмехнулся.

— Поливать, — повторил он задумчиво. — Странная ты женщина. Говоришь как поэт, одета как нищий, знаешь инженерные расчёты и родинки моей жены. Кто же ты на самом деле?

— Я просто наблюдатель, — честно ответила я.

— Нет, — он покачал головой. — Ты слишком опасна, чтобы просто наблюдать. И слишком полезна, чтобы тебя казнить. Я назначаю тебя... советницей по садам. Будешь помогать моему главному зодчему. Посмотрим, насколько твои «видения» соответствуют реальности.

— А если я не справлюсь?

— Тогда Амар Сингх скормит тебя шакалам. Он давно об этом мечтает.

Я обернулась. Амар стоял, скрестив руки на груди, и на его губах играла та самая усмешка, которую я уже ненавидела и обожала одновременно. Идеальные губы. Чувственные. Сейчас они изогнулись в подобии улыбки, и он произнёс:

— Я выделю тебе покои рядом с моими. Чтобы ты, упаси боги, не споткнулась ещё раз и не убилась о собственную тень.

— Это такая забота? — ядовито поинтересовалась я.

— Это такой надзор, — отрезал он.

Шах-Джахан махнул рукой, отпуская нас. Я попятилась к выходу, чувствуя, как Амар идёт за мной по пятам, буквально наступая на пятки. Когда мы оказались в узком коридоре, он схватил меня за локоть и прижал к стене. Не грубо, но так, что бежать было некуда. Его лицо оказалось в паре сантиметров от моего.

— Слушай внимательно, пророчица, — его шёпот был опаснее крика. — Я не знаю, кто ты и откуда. Но если с головы падишаха упадёт хоть один волос из-за твоих игр, я лично утоплю тебя в Ямуне. Медленно. И с удовольствием.

— Вы всегда такой романтичный? — выдохнула я, пытаюсь игнорировать, как его пальцы всё ещё сжимают мой локоть и как моё сердце колотится где-то в районе горла.

— Я всегда такой честный, — он резко отпустил меня и отступил. — Иди за мной. И постарайся не упасть в обморок от жары. Ты мне нужна живой. Пока что.

Я поплелась за ним, проклиная всё на свете: жару, своё неуёмное воображение, эту дурацкую монетку и особенно — этого хмурого раджпута, от одного взгляда которого у меня отключались остатки разума. Впереди меня ждал гарем, интриги, строительство величайшего памятника любви и, кажется, самая неподходящая для этого любовная линия в истории.

Визуалы

Визуалы
Амар Сингх

Светик

Глава 2. До того как я стала проблемой императорского масштаба

Глава 2. До того как я стала проблемой императорского масштаба

До того как я стала «божественной посланницей» при дворе Великих, я была просто Светой. Светланой Игоревной Кукушкиной, если совсем официально, но «Игоревной» я разрешала называть себя только налоговой инспекции и паспортному столу. Тридцать лет, не замужем, кандидат искусствоведения, специалист по могольской архитектуре, обладательница запущенной ипотеки-студии в Бутово и двух кошек — Маркса и Энгельса, потому что рыжие и вечно жрут.

Моя жизнь до всего этого безумия была до оскомины предсказуемой. Утро начиналось с того, что Маркс сбрасывал с тумбочки будильник, Энгельс садился мне на лицо, а я, матерясь, выползала из-под одеяла и плелась к кофемашине, которая, как и моя личная жизнь, работала через раз и требовала постоянного вливания средств. Потом — работа в музее, где я вдыхала пыль веков, реставрировала миниатюры и вела бесконечную войну с завхозом Петровичем, который считал, что лучший способ сохранить культурное наследие — это заклеить всё скотчем.

— Света, у тебя там опять какой-то индус пришёл, — говорил Петрович, заглядывая в мастерскую. — Спрашивает про твой доклад на конференции. Я ему сказал, что ты у себя, но он, кажется, испугался твоего стола и ушёл.

Мой стол действительно выглядел так, будто на нём взорвался книжный магазин. Горы справочников, распечатки на трёх языках, остывший чай в кружке с надписью «Лучшему реставратору» (подарок самой себе на 8 Марта) и фотография Тадж-Махала, приклеенная к монитору. Я часто смотрела на неё и думала: «Вот она, великая любовь. Мужчина построил ради женщины мавзолей, который пережил империи. А мой последний парень даже цветы забывал полить, пока я была в командировке».

Кстати, о парнях. Моя личная жизнь была не то чтобы катастрофой — катастрофа хотя бы интересна в масштабах. Моя личная жизнь была болотом: тихим, предсказуемым и с комарами. Последний ухажёр, Паша, работал в офисе напротив и считал, что свидание мечты — это вопрос «ну что, поехали ко мне?» Романтика уровня «коробка сока и два пакетика майонеза» у него дома. Я рассталась с ним после того, как он спросил, не могу ли я «подреставрировать» его резюме, потому что «ты ж художник». Я не художник. Я историк-искусствовед с дипломом, научными публикациями и нервным тиком, который начинался каждый раз, когда кто-то путал эти понятия.

— Светка, тебе надо расслабиться, — говорила моя единственная подруга Маринка, которая работала визажистом и считала, что все проблемы решаются новым оттенком помады. — Поехали в клуб. Найдём тебе мужика. Ну или хотя бы материал для мемуаров.

— У меня диссертация, — отвечала я.

— У тебя диссертация уже пять лет. Она замуж не выйдет. А ты ещё можешь.

И вот, в один прекрасный день, который я сейчас вспоминаю с особой нежностью (потому что он был последним днём, когда я не носила на себе вековую пыль и не вынуждена была врать императору про видения), меня вызвал к себе заведующий кафедрой.

— Светлана Игоревна, — сказал он, протирая очки и глядя на меня с тем особенным выражением, которое обычно предшествует фразе «у нас нет бюджета». — Вы помните тот грант на исследование могольской архитектуры в Агре?

— Конечно помню. Который мне не дали.

— Который вам дали.

Я подавилась воздухом.

— Что?

— Вы едете в Индию. На две недели. Будете работать в хранилище артефактов недалеко от Агры. Там нашли какой-то старый павильон, предположительно времён Шаха-Джахана. Нужен специалист. Оплата скромная, но билеты за наш счёт.

— Индия? — мой голос дал петуха. — Настоящая? Та, где Тадж-Махал? Где всё это?

— Нет, Светлана Игоревна, та Индия, где поддельный Тадж-Махал и пластиковые слоны. Конечно настоящая.

Я вылетела из кабинета с такой скоростью, что Маркс и Энгельс, оставленные на попечение Маринки, наверняка обиделись бы, если бы умели испытывать что-то кроме голода. Я собрала чемодан за два часа, побросав туда всё подряд: джинсы, шорты, футболки, пару сарафанов (вдруг удастся хотя бы раз сходить на пляж?), аптечку (полную таблеток от всего, включая те, названия которых я не выговаривала), и, конечно, свои драгоценные инструменты: кисточки, пинцеты, перчатки, лупу.

— Свет, ты на раскопки едешь или свидание с призраком? — спросила Маринка, глядя на мой чемодан.

— А вдруг он там? — отшутилась я. — Вдруг Шах-Джахан как раз и ждал меня, чтобы я помогла ему с дизайном интерьера?

— Дура, — резюмировала Маринка. — Но весёлая. Привези мне сари.

Индия встретила меня жарой, от которой мозг плавился и вытекал через уши. Агра была прекрасна и ужасна одновременно: священные коровы на улицах, мотоциклы, сигналившие друг другу с невероятной изобретательностью, запахи специй, цветов, выхлопных газов и чего-то ещё, чему я так и не нашла названия. Тадж-Махал я увидела на второй день, и у меня, взрослой тётки с научной степенью, навернулись слёзы. Он был ещё прекраснее, чем на фотографиях. Он светился в утреннем тумане, как мираж, как мечта, застывшая в мраморе.

— Вот бы познакомиться с таким мужчиной, — прошептала я себе под нос. — Который ради любви готов горы свернуть. Или хотя бы мавзолеей построить.

— Мадам, такси надо? — тут же раздался голос сзади. — Очень дёшево, мадам.

— Нет, спасибо, я своим ходом.

— Своим ходом плохо, мадам. Очень жарко, мадам. У вас лицо красное, мадам. Как помидор.

— Спасибо за комплимент, — буркнула я и пошла в сторону раскопа.

Павильон находился в часе езды от Агры, в месте, которое на карте обозначалось как «перспективный археологический объект № 47», а на деле представляло собой груду камней, заросшую буйной тропической зеленью. Местные рабочие, нанятые нашей экспедицией, уже расчистили часть фундамента и несколько внутренних помещений. Меня встретил доктор Рави, руководитель раскопок, невысокий энергичный мужчина с усами, как у моржа, и энтузиазмом, который бил через край.

— Мисс Кукушкина! — закричал он, бросаясь мне навстречу и чуть не падая в яму. — Какая честь! Ваши статьи о парчин-кари — это просто откровение!

— Спасибо, доктор Рави. Покажите, что у вас тут.

Он повёл меня в подвал расчищенного павильона. Там было темно, прохладно и пахло сыростью. Стены, когда-то, вероятно, покрытые фресками, облупились, открывая грубую каменную кладку. В углу, за огромной потолочной балкой, которая каким-то чудом держалась и не падала нам на головы, виднелась ниша.

— Мы расчистили её вчера, — возбуждённо говорил Рави, светя фонариком. — Там какой-то предмет. Но он зажат камнями, и мы боимся его повредить. Нужны тонкие руки. Ваши руки, мисс Кукушкина!

Мои руки, да. Те самые, которыми я забивала гвозди в стену, чтобы повесить полку для кошачьего корма, и которые Петрович называл «руки-крюки, но в перчатках». Я надела реставрационные перчатки, взяла пинцет и полезла в нишу. Луч фонарика плясал по стенам, рабочие за спиной затаили дыхание. Мои пальцы нащупали что-то гладкое, прохладное.

— Есть, — выдохнула я и аккуратно потянула предмет наружу.

Это был ларец. Небольшой, размером с книгу, из сандалового дерева, потемневшего от времени. Крышка была инкрустирована костью, образующей сложный узор — цветок лотоса. Но в центре цветка зияла пустота, словно там чего-то не хватало. Замка в привычном понимании не было. Была только эта выемка идеально круглой формы, примерно с пятирублёвую монету.

— Потрясающе! — прошептал Рави. — Это может быть XVI век. А может, и раньше! Но как его открыть?

— Понятия не имею, — честно ответила я, разглядывая находку. — Но я узнаю. Дайте мне пару дней.

Я забрала ларец в Агру. В лаборатории, которую нам выделили при местном музее, я перепробовала всё: аккуратно давила на лепестки лотоса, пыталась поддеть крышку тонким лезвием, даже сканировала ларец портативным рентгеном (ничего не показал, кстати, словно дерево экранировало излучение — ещё одна странность). Ничего не работало. Ларец оставался закрыт так же надёжно, как моё сердце для предложений «может, просто без штампов проживём?».

Разгадка пришла оттуда, откуда не ждали. Вечером второго дня я, расстроенная и потная, брела по базару в поисках холодной воды. Ноги сами принесли меня к лавке древностей — крошечному заведению, заваленному всяким хламом: статуэтками Ганеши, медной посудой, кипами выцветших тканей. За прилавком сидел древний-древний старик с бородой, похожей на клубок ваты, и глазами, в которых, казалось, застыло время.

— Добрый вечер, мадам, — проскрипел он на хорошем английском. — Что ищете? Амулет от глаза? Браслет из Джайпура? Или, может быть, что-то особенное?

— Я ищу информацию, — сказала я. — О старинных замках в форме лотоса.

Глаза старика блеснули.

— Лотос — священный цветок, мадам. Но замок в форме лотоса — это не просто замок. Это хранитель. Он открывается только тем, что принадлежит владельцу.

— В смысле?

— Вам нужен ключ, мадам. Но не простой. Это должен быть предмет, который связан с тем, кто запер ларец. Что-то личное. Что-то, что несёт его энергию.

— И где мне это взять?

Старик покопался в ящике под прилавком и извлёк маленькую чёрную монетку. Она была сделана не из золота и не из серебра, а из какого-то странного металла — матово-чёрного, почти невесомого, и на ощупь невероятно холодного, несмотря на сорокаградусную жару.

— Это «слеза падишаха», — проскрипел он. — Говорят, она принадлежала самому Шаху-Джахану. Он носил её как талисман. Но потом потерял. Она была найдена здесь, в Агре, много лет назад.

— Сколько? — спросила я, уже понимая, что не уйду без неё.

— Для вас, мадам, — он улыбнулся беззубым ртом, — всего пять тысяч рупий. И совет: не открывайте то, что закрыто. Иногда прошлое хочет остаться прошлым.

— Я учёный, — отрезала я, выкладывая деньги. — Прошлое — это моя работа.

Вернувшись в отель, я дрожащими руками вставила монетку в углубление в центре лотоса. Она подошла идеально. Раздался тихий, певучий звон, и крышка ларца откинулась сама собой. Внутри, на выцветшем шёлке, лежали три вещи: миниатюрный портрет женщины неземной красоты с глазами, полными вселенской печали, прядь чёрных волос, перевязанная золотой нитью, и свиток пожелтевшей бумаги.

— Ни фиги себе, — прошептала я и потянулась к свитку.

Это была последняя разумная мысль в моей голове. Как только мои пальцы коснулись бумаги, буквы на свитке — арабская вязь, которую я могла читать, но едва ли понимала в таком объёме, — вспыхнули ослепительным золотым светом. Комната закружилась. Меня затянуло в воронку из света, звуков и запахов — сандал, пыль, жасмин, конский пот. Я пыталась кричать, но голос пропал. В последний момент, падая в бездну, я успела подумать: «Блин, я даже селфи с ларцом не сделала».

Очнулась я на земле. Жёсткой, горячей, пыльной земле. Во рту был песок, в голове — туман, а в теле — ощущение, будто меня пропустили через мясорубку, а потом собрали обратно, но по ошибке прикрутили пару деталей от другого человека. Я лежала, глядя в ярко-голубое небо, и пыталась понять, что случилось.

— Так, Света, спокойно, — прохрипела я сама себе. — Ты просто перегрелась. Солнечный удар. Бывает. Сейчас ты откроешь глаза по-настоящему и увидишь потолок отеля.

Я зажмурилась и снова открыла глаза. Потолка не было. Были каменные стены, покрытые строительными лесами, и голоса — множество голосов, кричащих на фарси. Фарси. ЯЗЫКОМ, КОТОРЫЙ Я ЗНАЛА ТОЛЬКО ПО АКАДЕМИЧЕСКИМ ТЕКСТАМ, НО ПОЧЕМУ-ТО ПОНИМАЛА КАЖДОЕ СЛОВО.

— Эй, ты! Воровка!

Чья-то грубая рука вздёрнула меня на ноги. Я оказалась лицом к лицу с огромным мужчиной в тюрбане, с саблём на поясе и с таким выражением лица, какое бывает у людей, заставших соседа за кражей дров.

— Ты кто такая? Откуда здесь? Говори!

— Я... я туристка, — пискнула я. — Из России. У меня виза в порядке. Я могу показать...

Я потянулась к карману джинсов и поняла, что карман пуст. Ни паспорта. Ни телефона. Ничего. Только ларец на шее, превратившийся в крошечный кулон, и монетка внутри него.

— Что ты там ищешь, колдунья? — мужик схватился за саблю.

— Я не колдунья! Я архитектор! Я приехала... помогать. Строить. Вон ту стену.

Я махнула рукой в сторону ближайшей постройки. Мужик проследил за моим жестом, и его лицо исказилось яростью. Я поняла свою ошибку, когда увидела, что это не просто стена. Это были строящиеся ворота Лахорского форта. В Дели. Которые, как я помнила по учебникам, возводили в 1628 году.

— Пойдите, — сказала я. — Какой сейчас год?

— Год 1038 по хиджре, неверная, — прорычал мужик.

Я быстро перевела. 1038 год хиджры — это 1628–1629 год нашей эры. Примерно. Плюс-минус. Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент подъехал всадник.

Я запомнила этот момент навсегда — так запоминают первую встречу с ураганом, цунами или другим стихийным бедствием, которое переворачивает твою жизнь и сообщает тебе, что всё, что было раньше, было просто репетицией. Он сидел на белом коне, как бог войны, сошедший с фрески. Доспехи, украшенные чернью, сияли на солнце. Лицо — резкое, хищное, с острыми скулами, которые могли бы резать стекло. Чёрные глаза смотрели на меня с холодным, оценивающим презрением. Это был Амар Сингх.

— Что здесь происходит? — спросил он. Голос низкий. Густой. Как патока, в которой можно утонуть.

Я стояла, разинув рот, и, вместо того чтобы сказать что-то умное, просто пялилась на его руки, сжимающие поводья, на то, как перекачиваются мышцы под кожей, на тень от ресниц на скулах. «Господи, Света, — подумала я, — тебя сейчас казнят, а ты рассматриваешь мужчину, как последний экземпляр в меню».

— Она говорит, что архитектор, — доложил бугай. — Но я думаю, что она воровка. Или колдунья. Посмотрите на её одежду.

Амар спешил. Одно текучее движение — и вот он уже стоит передо мной. Высокий. Очень высокий. Мне пришлось задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Архитектор? — его бровь изогнулась. — Женщина? В таком виде?

— А что, есть дресс-код? — огрызнулась я, прежде чем мозг успел одёрнуть язык.

Повисла пауза. Бугай поперхнулся воздухом. Амар Сингх посмотрел на меня так, будто я только что сплясала на его мече. А потом медленно, очень медленно, уголок его губ пополз вверх. Это не было улыбкой. Это был оскал, обещающий проблемы.

— Дерзкая. Это интересно. Как тебя зовут, женщина-архитектор?

— Светлана. Можно Света.

— Све-та-ла-на, — повторил он по слогам, и от того, как он это произнёс — растягивая гласные, пробуя моё имя на вкус, — у меня по позвоночнику пробежала дрожь. Совершенно неуместная дрожь, между прочим. — Что ж, Све-та-ла-на, если ты архитектор, ты должна знать что-то о строительстве. Прямо сейчас. Докажи.

И я доказала. Выдала всё, что знала про Лахорские ворота, про просадку фундамента, про дренаж. Я несла такой профессиональный бред, смешанный с реальными фактами, что даже главный зодчий, подошедший во время моей тирады, начал смотреть на меня с уважением.

Когда я закончила, наступила тишина. Амар Сингх разглядывал меня, как диковинного зверя. Потом перевёл взгляд на толпу, которая уже собралась поглазеть на представление, и громко объявил:

— Мы отвезём её во дворец. Пусть падишах решает.

Меня затолкали в паланкин и повезли в Агру. Всю дорогу я просидела в позе эмбриона, пытаясь осознать происходящее и придумать план. Но плана не было. Была только паника, сушняк во рту и предательские мысли о том, как Амар Сингх смотрел на меня. Будто я не пленница, а загадка, которую он хочет разгадать. Или разобрать на части. Или и то, и другое одновременно.

Дворец, в котором меня поселили (точнее, заперли), был роскошен. Покои, примыкающие к покоям самого Амара, — так он сказал, и я до сих пор не знаю, была ли это забота или сарказм. Комната — нет, не комната, а целый зал — с мраморным полом, резной мебелью, фонтаном в центре и кроватью, накрытой шёлком, такой огромной, что на ней можно было бы разместить футбольную команду. Мне выдали одежду: шальвары, расшитые серебром, длинную тунику, дупатту, которую я не умела носить и которая всё время сползала. Три служанки молча натаскали воды в ванну — огромную медную лохань — и оставили меня одну.

Я сидела в горячей воде, смывая с себя пыль XVII века, и разговаривала сама с собой.

— Так, Света. Давай по пунктам. Пункт первый: ты в прошлом. В 1628 году. Во времена правления Шаха-Джахана. Это факт. Прими его.

— Не-не-не-не-не, — замотала я головой, разбрызгивая воду. — Это бред. Это галлюцинация. Я, наверное, лежу сейчас в отеле, ударила голову, и мне всё это снится. Сейчас ущипну себя и проснусь.

Я ущипнула себя за бедро — сильно. Боль была настоящей. Точно синяк будет.

— Ладно, — прошептала я, потирая бедро. — Допустим, это не сон. Допустим, я правда в прошлом. Но это же пройдёт? Ну, как портал закроется, или заряд у монетки кончится, и я вернусь? Должен быть способ.

Я схватилась за кулон на шее. Ларец всё ещё был там, уменьшенный до размера горошины, но абсолютно реальный. Я сжала его в кулаке и зажмурилась: «Верни меня обратно. Пожалуйста. Там кошки некормленные. Там диссертация. Там меня Маринка убьёт, если я не вернусь». Ничего не произошло. Ларец молчал.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Застряла. В Индии. В XVII веке. Без интернета. Без кофе. С падишахом, который думает, что я пророчица, и охранником, который думает, что я шпионка и который... — я осеклась и уставилась в мыльную воду. — И который смотрит на меня так, будто хочет то ли съесть, то ли допросить с пристрастием, и я не уверена, что мне не нравится ни то, ни другое.

Я фыркнула. Потом хихикнула. Потом начала смеяться в голос — истерично, с всхлипами, расплёскивая воду. Смех перешёл в слёзы, слёзы — в тихое поскуливание. Я дала себе ровно пять минут на истерику, а потом взяла себя в руки.

— Хватит. Ты историк. Ты знаешь эту эпоху лучше, чем кто-либо. У тебя есть преимущество. Ты знаешь, что будет. Ты знаешь, кто выживет, а кто умрёт. Ты знаешь, что падишах построит Тадж-Махал в память о Мумтаз. Твоя задача — не мешать. Просто наблюдать, найти способ вернуться и не наломать дров. Всё просто.

— Ага, — ответил мой внутренний скептик. — А то, что ты уже объявила себя божественной посланницей и раскритиковала императорскую стройку, — это не дрова, да? Это так, щепочки.

Я вздохнула. Ладно. Дрова уже наломаны. Осталось не разжечь из них погребальный костёр. Я вылезла из ванны, завернулась в невесомую ткань — что-то вроде халата, — и подошла к резной ширме, за которой стояла кровать. И тут же замерла.

В комнате кто-то был.

Я не видела его, но чувствовала. Едва уловимое движение воздуха. Я резко обернулась и увидела его. Амар Сингх стоял у двери, которую я не слышала, как открыли, и смотрел на меня. В полумраке его фигура казалась огромной, а глаза — двумя тлеющими углями.

— Какого... — выдохнула я, прижимая ткань к груди. — Вы что, всегда входите без стука?

— Это моя часть дворца, — сказал он спокойно. — Я вхожу куда хочу.

— А если бы я была голая?

Он посмотрел на меня. Медленно. Сверху вниз. Задержался на мокрых волосах, прилипших к плечам. На каплях воды, стекающих по шее. На халате, который предательски сползал.

— Ты почти голая, — констатировал он. Его голос не дрогнул, но что-то в глазах изменилось. Что-то тёмное и горячее мелькнуло в их глубине. — Это не производит на меня того впечатления, на которое ты рассчитываешь.

— Я не рассчитываю ни на какое впечатление! — возмутилась я. — Я рассчитываю на личное пространство! На то, что вы постучите, прежде чем вламываться!

— Поздно, — сказал он, делая шаг вперёд. Я отступила. Спина упёрлась в ширму. — Я уже вошёл. И я пришёл задать тебе вопрос.

— Ночью? В моей спальне? Когда я в одном полотенце? Вы серьёзно?

— Это не полотенце, — заметил он. — Это мой халат.

Я опустила взгляд. Действительно. На ткани была вышита какая-то эмблема — два скрещённых меча. Я стояла в халате Амара Сингха. Мокрая. В его спальне. Ситуация становилась настолько нелепой, что я чуть не расхохоталась снова.

— Служанки дали мне это, — сказала я. — Я не знала, что это ваше.

— Служанки сделали то, что я велел. Я хочу, чтобы все знали, что ты под моим надзором. И под моей защитой. Это два разных понятия, но в твоём случае они связаны.

— В смысле?

— В смысле, что если кто-то в этом дворце захочет тебя отравить, зарезать, задушить или продать в рабство, — а желающие найдутся, поверь мне, — он будет иметь дело со мной. И я не советую никому иметь дело со мной.

Я сглотнула. Это было... неожиданно. И пугающе. И, чёрт возьми, немного лестно.

— И что же я должна сделать, чтобы отблагодарить вас за такую заботу? — съязвила я. — Станцевать? Спеть?

— Для начала — ответить честно на один вопрос, — он шагнул ещё ближе. Между нами оставалось, может, полметра. Я чувствовала жар его тела. Видела, как бьётся жилка на его шее. — Кто ты такая на самом деле?

— Я уже говорила. Я...

— Я знаю, что ты не пророчица, — перебил он. — И не божественная посланница. Ты появилась из ниоткуда, говоришь странные вещи, знаешь то, чего не должна знать, и трясешься от страха, хотя пытаешься это скрыть. Ты не похожа ни на одну женщину, которую я встречал. Так кто ты?

Его рука поднялась. Я думала, он схватит меня за горло. Но он просто взял прядь моих мокрых волос и потёр между пальцами. Жест был почти нежный, но взгляд оставался жёстким.

— Если я скажу правду, вы мне не поверите, — прошептала я.

— Попробуй.

— Я из будущего.

Пауза.

— Из будущего, — повторил он. — Насколько далёкого?

— Примерно на четыреста лет.

Он долго смотрел на меня. Потом сделал то, чего я не ожидала. Он улыбнулся. По-настоящему. Уголки губ дрогнули, и на мгновение его лицо перестало быть лицом убийцы и стало просто лицом красивого, уставшего мужчины.

— Ты права, — сказал он. — Я не верю. Но это самая интересная ложь из всех, что я слышал.

— Это не ложь! — возмутилась я. — Я могу доказать! Я знаю, что будет! Например... например...

Я лихорадочно перебирала в уме события 1628 года. Что-то должно случиться. Что-то не слишком глобальное, чтобы не сломать историю, но достаточно конкретное, чтобы доказать мою правоту.

— Через неделю, — выпалила я, — на строящийся форт нападёт отряд мятежников из Бенгалии. Они попытаются поджечь восточную стену. Вам нужно усилить охрану там и проверить запасы воды.

Он перестал улыбаться.

— Откуда ты знаешь про бенгальцев?

— Я же говорю. Я из будущего.

— Про бенгальских сепаратистов знает только падишах, я и ещё три человека во всей империи. Откуда. Ты. Знаешь?

— Я... — я запнулась. Блин. Кажется, я только что ляпнула то, что не должна была знать вообще. — Мне боги сказали? — слабо попыталась я.

— Боги, — процедил он и резко развернулся к двери. — Завтра утром ты будешь присутствовать на совете. Падишах хочет услышать твои «видения» о бенгальцах лично. И если твои слова не подтвердятся, даже боги тебя не спасут.

Он вышел, хлопнув дверью. Я осталась стоять, прижимая к груди его халат и чувствуя, как колотится сердце. Я только что сделала всё ещё хуже. Вместо того чтобы тихо сидеть и не отвешивать, я влезла в политику, военные заговоры и личные дела начальника императорской стражи.

— Отлично, Света, — прошептала я в темноту. — Просто отлично. За один день ты умудрилась стать пророчицей, советницей по садам, объектом подозрения и женщиной в халате самого опасного мужчины империи. Интересно, что будет завтра.

Я рухнула на кровать, зарылась лицом в шёлковые подушки и издала приглушённый крик отчаяния. Подушки пахли сандалом. Конечно. Это была его кровать. Он поселил меня в своей комнате. Своей. Комнате.

— Гарем, значит, — пробормотала я в подушку. — Меня поселили в гареме. Но не в гареме падишаха, а в гареме начальника стражи. Который состоит из одной меня. И который, судя по всему, даже не настоящий гарем, а просто прикрытое для допросов.

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Где-то вдали пели цикады. Где-то ещё дальше молились муэдзины. Пахло жасмином, пылью и историей. И я вдруг поняла, что, несмотря на весь ужас, несмотря на панику и страх, где-то глубоко внутри, на том уровне, где живут неразумные желания и дурацкие мечты, мне это всё... нравилось.

Нет, не так. Мне нравился он.

— Чёрт, — сказала я потолку. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Потому что влюбиться в мужчину, который пообещал скормить меня шакалам, — это пик моей личной жизни. Даже Паша с его пиццей и майонезом не был настолько плохим выбором.

Утро началось с того, что в мою комнату ворвались три служанки, которые стащили меня с кровати, раздели, вымыли, натёрли маслами, затянули в какие-то одежды и вытолкали в коридор. Я чувствовала себя курицей, которую подготовили к подаче на стол. За дверью уже стоял Амар Сингх — свежий, хмурый и одетый так, что у меня перехватило дыхание. Чёрный халат, расшитый золотом. Сабля на поясе. Тюрбан с рубином. И взгляд — прожигающий насквозь.

— Ты готова? — спросил он.

— Нет. Я хочу домой.

— Дом — это там, где ты не валяешься в пыли у ног незнакомцев. Ты пока не заслужила дом.

— А что я должна сделать, чтобы заслужить?

Он наклонился ко мне. Близко. Так близко, что я могла сосчитать его ресницы.

— Для начала — пережить сегодняшний день, — прошептал он. — А там посмотрим.

И пошёл по коридору, оставив меня семенить следом. Я плелась за ним и думала о том, что его спина — это произведение искусства. И о том, что если я и дальше буду так на него пялиться, он точно заподозрит что-то ещё. А может, и заподозрит. Может, оно и к лучшему. В конце концов, если ты попала в прошлое, где тебя могут казнить в любой момент, почему бы не насладиться видами?

Впереди меня ждал совет у падишаха. Моя вторая попытка не сломать историю. И первая настоящая угроза — мятежники, о которых я сболтнула, не подумав.

Но знаете что? Хуже всего было не это. Хуже всего было то, что Амар Сингх, уходя, обернулся через плечо и посмотрел на меня так, что все мои колени превратились в желе. И я поняла: я пропала.

Глава 3. Амар: О том, как рушатся стены

Глава 3. Амар: О том, как рушатся стены

Я не привык записывать свои мысли. Воин не ведёт дневников — его жизнь записана шрамами на теле и врагами, отправленными в могилу. Но сегодня я беру в руки перо, потому что если я не выплесну это на бумагу, то сойду с ума. Эта женщина сведёт меня с ума. Она уже это делает, и, клянусь всеми богами, которых я чту и которых презираю, я не знаю, что с этим делать.

Меня зовут Амар Сингх, и я начальник императорской стражи. Я — раджпут, сын воина, внук воина, правнук воина. В моих жилах течёт кровь тех, кто никогда не сдаётся, кто предпочитает смерть бесчестью, кто встречает опасность с мечом в руке и молитвой на устах. Я убивал. Много. Я смотрел в глаза людям, которых отправлял на тот свет, и не испытывал ничего, кроме холодного удовлетворения хорошо выполненной работы. Я охранял падишаха, самого могущественного человека в мире, и знал, что моя жизнь принадлежит ему. Так было. Так должно было оставаться.

А потом появилась она. Солнце стояло в зените, когда один из моих людей, Раджив — здоровенный детина с кулаками, как две кувалды, и мозгами, как у буйвола, — притащил ко мне какую-то оборванку. Я как раз объезжал стройку Лахорских ворот, проверял посты и думал о том, что падишах слишком доверяет этому новому зодчему, а я слишком доверяю своему чутью, которое подсказывало: что-то не так. И тут эта.

Она лежала в пыли, растрёпанная, перемазанная, в странной мужской одежде, которая обтягивала её так, что я сначала подумал — это шляха, которую выкинули из какого-то каравана. Но когда она подняла глаза, я забыл, что хотел сказать. Глаза — вот что я запомнил в первую секунду. Огромные, серые, как грозовое небо над Раджастаном, и в них плескался такой коктейль из ужаса, возмущения и чего-то живого и дерзкого, что я замер. Я, Амар Сингх, который не замирал даже перед разъярённым тигром, замер перед женщиной в драных штанах.

— Ты кто? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Она начала нести какую-то чушь про архитектуру, про Вишну, про божественное видение. Раджив выпучил глаза и чуть не рухнул на колени — эти индусы из низших каст готовы молиться на любой камень, который им покажешь. Но я не Раджив. Я смотрел на неё и видел: она лжёт. Отчаянно, неумело, но при этом так уверенно, будто сама верит в свой бред. Её выдавало всё: дрожь в пальцах, которые она пыталась сжать в кулаки, прерывистое дыхание, капелька пота, стекающая по виску. Она боялась. До ужаса. Но всё равно дерзила.

И тут она выдала про фундамент. Про дренаж. Про угол наклона стены. Зодчий — старый Устад Ахмад, который не боялся никого, кроме Аллаха и падишаха, — побледнел. Я понял, что она сказала правду. Техническую правду, которую не могла знать случайная бродяжка. И вот тут во мне проснулся охотник. Тот самый инстинкт, который я оттачивал годами: чутая опасность. Чутая чужую тайну. Чутая добычу.

— Откуда ты это знаешь? — спросил я.

И она ответила: «Мне открыли это боги. Во сне. Вишну явился мне и сказал...»

Я чуть не рассмеялся. Вишну. Я, раджпут, который чтит Шиву и Дургу, но служит мусульманскому падишаху, прекрасно знаю, что боги не являются во снах женщинам в штанах. Но толпа уже слушала. Раджив уже бухнулся на колени. Зодчий уже трясся. И я понял: если я сейчас прикажу её казнить, начнётся ропот. Мои собственные люди, индусы, скажут, что я пошёл против воли богов. Мусульмане скажут, что я казнил пророчицу. Падишах будет недоволен.

Я сделал единственное, что мог: взял её с собой. Пусть падишах решает.

Но когда я подошёл ближе, чтобы поднять её с земли, что-то произошло. Я наклонился, схватил её за локоть — тонкий, хрупкий, как у птицы, — и почувствовал запах. Не благовония, не розовая вода, которыми душатся придворные красавицы. От неё пахло пылью, потом и чем-то ещё — цветами? — нет, чем-то незнакомым, резким, как будто спиртом, но мягче. И этот запах ударил мне в голову сильнее самого крепкого вина.

Всю дорогу до Агры я ехал впереди паланкина и злился. Нет, не на неё. На себя. Потому что я, тридцатипятилетний мужчина, воин, который забыл, когда в последний раз смотрел на женщину с интересом, вдруг поймал себя на мысли: А как она выглядит, когда не перемазана грязью? А что она скажет, если я...

Я обрывал эти мысли на корню. Я не имею права. Я — страж. Я — тень падишаха. Моя жизнь принадлежит империи, а не глупым желаниям плоти.

Когда мы приехали во дворец, я приказал поселить её в покоях рядом с моими. Это было разумно: так я смогу следить за ней, контролировать каждый шаг, каждое слово. Так я смогу защитить падишаха от возможной угрозы. Так я говорил себе. Но где-то глубоко, в той части души, которую я обычно запираю на замок, шевельнулось другое: я хочу, чтобы она была рядом. Я хочу слышать её дыхание за стеной. Я хочу иметь повод заходить к ней по вечерам.

Вечером я зашёл к ней. Она была в ванне. Я слышал плеск воды и — о боги — её бормотание. Она разговаривала сама с собой! Как безумная. Нет, как человек, который привык думать вслух. Я замер за дверью и слушал. Она говорила на своём языке, том странном, резком, который я никогда не слышал раньше. Иногда переходила на фарси — и тогда я понимал каждое слово.

— Так, Света... Ты в прошлом... Это не сон... Шах-Джахан... Мумтаз... Не налажать...

Света. Так она называла себя. Я попробовал это имя на языке. Све-та. Мягкое. Странное. Чужое. Как и она сама.

Потом она засмеялась — истерично, со всхлипами. Потом заплакала. Я стоял за дверью, сжимая кулаки, и боролся с желанием войти. Спросить, что случилось. Я дал ей пять минут. А потом вошёл.

Она стояла в моём халате. Моём. Я специально велел служанкам дать ей именно его — самую простую, но заметную вещь. Пусть каждая женщина в гареме, каждая служанка, каждый евнух видит: она под моей защитой. Это была разумная предосторожность. Но когда я увидел

её — мокрую, с волосами, прилипшими к плечам, с каплями воды, стекающими по шее туда, где ткань расходилась, открывая ключицы, — разум покинул меня.

Я смотрел на неё и думал: «Сними халат».

Я смотрел на неё и думал: «Я хочу увидеть, что под ним».

Я смотрел на неё и думал: «Я хочу провести языком по этой капле воды. По шее. Ниже».

Я ничего не сказал. Я стоял и смотрел, а она возмущалась, прижимая ткань к груди, и её глаза метали молнии, и она была похожа на дикую кошку, которую загнали в угол, и я подумал: «Интересно, она царапается? Я бы хотел, чтобы она царапалась».

Она сказала: «А если бы я была голая?»

А я ответил: «Ты почти голая. Это не производит на меня того впечатления...»

Ложь. Самая большая ложь в моей жизни. Она производила впечатление. Она производила такое впечатление, что мне приходилось стоять неподвижно, чтобы не выдать себя. Потому что если бы я сделал шаг вперёд, я бы уже не смог остановиться. Я бы схватил её, прижал к стене, сорвал этот проклятый халат и заставил бы её забыть все слова, кроме моего имени.

Но я не сделал этого. Потому что я — Амар Сингх. Потому что она — неизвестная угроза. Потому что падишах ждёт от меня ответов, а не любовных историй.

Я спросил её: «Кто ты на самом деле?»

И она ответила: «Я из будущего».

Я чуть не рассмеялся. Снова. Будущее. Четыреста лет вперёд. Это было настолько нелепо, что могло быть правдой. Потому что ни один лжец в здравом уме не придумал бы такую ложь. Лжецы врут удобно: я — дочь купца, я — беглая рабыня, я — сирота. Но «я из будущего»? Это ложь сумасшедшего. Или правда отчаявшегося.

А потом она сказала про бенгальцев. И у меня внутри всё оборвалось.

Бенгальские мятежники. Операция, о которой знают только пять человек в империи. Информация, за утечку которой я лично отрубил бы голову любому. И она, эта странная женщина, которая появилась из ниоткуда, знает. Она назвала дату. Она назвала место. Она не могла этого знать. Не могла.

И вдруг её безумная история про будущее перестала быть смешной. Я ушёл, потому что если бы остался ещё на минуту, я бы сделал что-то, о чём пожалел бы.

Я лежал без сна всю ночь. Моя комната была рядом — тонкая стена, сквозь которую я слышал, как она ворочается, как вздыхает, как бормочет во сне. Я лежал и думал: кто она? Что она? Откуда?

Незаметно для себя, в своих мыслях, я вернулся назад. На много лет назад. В то время, когда я ещё не был Амаром Сингхом, начальником стражи. Когда я был просто мальчиком, который бегал по горячему песку Раджастхана и думал, что мир — это бесконечная пустыня, а счастье — это когда отец возвращается из похода живым. Мой отец был раджпутот старой закалки. Он служил императору Акбару, деду нынешнего падишаха. Он воевал, убивал и молился, и учил меня тому же. «Раджпут не плачет, — говорил он. — Раджпут не боится. Раджпут умирает стоя, с мечом в руке, и встречает смерть как гостью, которую давно ждал». Я верил ему. Я хотел быть таким, как он.

Моя мать была другой. Она была дочерью купца из Джодхпура, красивая, как рассвет над пустыней, и тихая, как вода в колодце. Она редко говорила, но когда говорила, отец замолкал и слушал. Она была единственной женщиной, которую он любил. И единственной, которую он боялся потерять.

У меня было две сестры. Младшие. Их имена я не произношу вслух уже много лет. Одной было семь, другой пять. Они смеялись так, что даже палящее солнце Раджастхана, казалось, становилось ласковее.

Их больше нет.

В тот год, когда мне исполнилось двенадцать, на нашу деревню напали. Это были не враги империи, не могольские войска — это были бандиты, мародёры, шакалы в человеческом обличье, которые пришли за зерном, скотом и женщинами. Отец собрал ополчение. Он дрался как лев. Я видел это своими глазами: он стоял в воротах, с мечом в одной руке и щитом в другой, и убил семерых, прежде чем стрела попала ему в горло.

Я побежал к нему. Меня схватили. Я кричал, вырывался, кусался — меня держали крепко. Я видел, как горит наш дом. Я видел, как выносят тела моих сестёр. Я видел, как мать уводят, и её глаза — её тихие, прекрасные глаза — смотрели на меня с такой любовью и такой болью, что я до сих пор просыпаюсь в холодном поту, когда мне снится этот взгляд.

Меня спас отряд императорской армии. Они наткнулись на бандитов через два дня, перебили всех до единого, но было поздно. Мою мать они нашли мёртвой — она разбила себе голову о камень, чтобы не достаться никому. Она умерла как раджпутка, хотя и была дочерью купца. Я плакал, когда мне сказали. Плевал на отцовские наставления. Я плакал три дня, а потом перестал. Навсегда.

Меня привезли в Агру. Сироту, у которого не было ничего, кроме имени отца и ненависти ко всему миру. По законам империи меня должны были отправить в какую-нибудь дальнюю деревню, к родственникам, которых я не знал. Но вмешался он. Шах-Джахан. Тогда ещё не падишах, а принц Хуррам, старший сын императора Джахангира. Он увидел меня во дворе казармы — тощего, злого мальчишку, который дрался с каждым, кто пытался его утешить, — и сказал:

— У тебя глаза воина. Хочешь служить мне?

Я плюнул ему под ноги. Я был диким. Я ненавидел всех мусульман, всех, кто носил оружие и не спас мою семью.

Принц Хуррам не рассердился. Он посмотрел на меня, усмехнулся и сказал:

— Твой отец служил моему деду. Он был храбрым человеком. Я предлагаю тебе шанс стать таким же. Подумай.

Он ушёл. А я остался. И думал всю ночь. А наутро пришёл к нему и сказал:

— Я буду служить тебе. Но не как слуга. Я буду воином. Я буду лучшим воином, которого ты видел.

Он сдержал слово. Он дал мне учителей: мастеров меча, лучников, наездников. Он дал мне книги — я читал персидских поэтов, арабских математиков, индийских философов. Он дал мне цель. Он стал мне не просто господином. Он стал мне братом, отцом — всем, кого я потерял.

Я рос, учился, убивал. Я прошёл с ним через войны, заговоры, ссылки. Когда Джахангир умер и Шах-Джахан взойшёл на престол, я уже был начальником его стражи. Самым молодым начальником стражи в истории империи. Самым преданным. Самым безжалостным.

Я не завёл семью. Не потому, что не мог. Предложений было много — знатные семьи раджпутов готовы были отдать за меня дочерей. Я отказывал всем. Я не хотел привязываться. Я знал, что такое потерять близких, и поклялся: больше никогда. Никогда у меня не будет жены, которая будет ждать меня и плакать, когда я не вернусь. Никогда у меня не будет детей, которые будут смотреть на меня с надеждой и которых я не смогу защитить. Моя жизнь принадлежит падишаху. Моя смерть будет на поле боя. Точка.

Гарем? Нет. У меня нет гарема. Когда придворные сплетничают, что я держу наложниц в своих покоях, я усмехаюсь. Служанки, которых мне приставили для ухода за комнатами, — вот и весь мой «гарем». Иногда, очень редко, я позволял себе ночь с какой-нибудь танцовщицей или вдовой, которая сама искала моего общества. Это было просто физической разрядкой, не более. Я не запоминал имён. Я не оставлял их на ночь. Я уходил до рассвета.

Я думал, что так будет всегда. Я думал, что моё сердце надёжно заперто в сундук вместе с детскими воспоминаниями и ключ выброшен в Ямуну.

А потом появилась она.

На утро после первой ночи — её первой ночи в моих покоях — я проснулся раньше обычного. Я вообще почти не спал. Я лежал и слушал её дыхание за стеной. Ровное. Глубокое. Она спала спокойно, несмотря ни на что. Это было странно. Любая другая женщина, оказавшись в чужом дворце, под надзором чужака, дрожала бы от страха. А она спала. И даже похрапывал — тихо, почти неслышно, но я слышал. И этот звук, такой человеческий, такой живой, заставлял мои пальцы сжиматься в кулаки.

Я думал о её глазах. О том, как она смотрела на меня, когда я вошёл. Она смотрела на меня не так, как смотрят другие женщины — с подобострастием, с желанием угодить, с расчётом. Она смотрела так, будто я — проблема, которую она попытается решить. Или загадка. Или... препятствие. А её тело под моим халатом... Я не видел его полностью, но я видел достаточно. Тонкая шея. Ключицы, которые я хотел поцеловать. Грудь, которую она прижимала

тканью, но ткань была тонкая, и я видел очертания — мягкие, соблазнительные, идеальные. Я представлял, как она выглядит без этого халата. Как она выглядит, лёжа на моей кровати, раскинув волосы по подушке. Как она смотрит на меня с желанием.

Я представил, как вхожу к ней ночью — не для допроса, а для другого. Как откидываю одеяло. Как она просыпается и смотрит на меня своими серыми глазами. Как я наклоняюсь и говорю: «Молчи». И она молчит. И я целую её. Медленно. Сначала в губы, потом ниже — в шею, в ключицы, туда, где ткань сползает с плеча. Она выгибается навстречу. Она стонет. Моё имя — на её губах: «Амар...»

Я заставил себя остановиться. Прямо там, лёжа в постели, я приказал своему воображению заткнуться. Это было трудно. Невероятно трудно. Моё тело не слушалось — оно хотело, оно требовало, оно помнило её запах и изгиб её шеи.

Я встал и пошёл тренироваться. Рубил мечом чучело, пока руки не заныли. Бегал по внутреннему двору, пока лёгкие не начали гореть. Думал о чём угодно, кроме неё. Не помогало. Она засела у меня в голове, как заноза, и я не мог её вытащить.

Позже, когда служанки привели её в порядок и я увидел её при дневном свете, стало ещё хуже. Она была... другой.. Она двигалась не так, как двигаются женщины гарема. Те плывут, как лебеди, опустив глаза, скрывая лица. А она шла так, будто пол под ней принадлежит ей. Она смотрела прямо, не отводя взгляда. Она жестиковала, когда говорила. Она смеялась — громко, открыто, не прикрывая рот ладонью.

И она была смешной. Я не ожидал этого. Она шутила — глупо, странно, иногда я не понимал её шуток. Но когда она сказала: «Вы всегда такой романтичный?» — с этим сарказмом, с этим вызовом в глазах, — я чуть не улыбнулся.

Она сидела на ковре у ног падишаха, и её джинсы — что это вообще за одежда? — треснули на колене, и я увидел кусочек голой кожи. Не лодыжку, не запястье — колено. И это было самое соблазнительное, что я видел за последние годы. Потому что она не пыталась меня соблазнить. Она была просто собой: неловкой, громкой, странной.

И падишах — мой падишах, мой господин, человек, которого я знаю двадцать лет, — смотрел на неё с интересом. Слишком большим интересом. Он смеялся над её словами. Он задавал ей вопросы. Он назначил её советницей. Советницей! Женщину из ниоткуда.

Это плохо. Очень плохо. Потому что если падишах увлечётся ею, если она войдёт в его гарем, если она станет его фавориткой — а я вижу, что она может, — тогда она будет потеряна для меня. Нет, не так. Она никогда не была моей. Но мысль о том, что она будет принадлежать другому — пусть даже самому падишаху, которому я обязан жизнью, — вызывает во мне глухую, тёмную ярость, которую я не могу контролировать.

Сегодня утром я стоял в дверях её комнаты и смотрел, как служанки одевают её. Вернее, я делал вид, что проверяю караул. Она поймала мой взгляд в зеркале — в полированной меди, которую служанки держали перед ней, — и усмехнулась. Усмехнулась! Будто знала, о чём я думаю. Будто видела меня насквозь.

— Нравится? — спросила она и покрутилась. Шальвары, туника, дупатта — всё это сидело на ней непривычно, но так, что я опять потерял дар речи.

— Терпимо, — выдавил я.

— «Терпимо»? — она расхохоталась. — У вас, мужчин, всегда самые красноречивые комплименты. «Терпимо». «Почти голая не производит впечатления». Я прям таю.

— Я не говорил, что не производит, — вырвалось у меня раньше, чем я успел подумать.

Она замолчала. Посмотрела на меня — внимательно, изучающе. Служанки переглянулись и захихикали. Я развернулся и вышел, проклиная свой длинный язык.

Сейчас я сижу в своей комнате и пишу это — не знаю зачем. Может быть, чтобы оставить свидетельство на случай, если эта женщина действительно погубит меня.

Сегодня она идёт на совет к падишаху. Она расскажет о бенгальцах — и если её слова подтвердятся, она станет не просто чудаковатой чужеземкой. Она станет ценностью. Кем-то, кого падишах не захочет отпускать. Кем-то, кого он, возможно, захочет сделать своей.

Боги, дайте мне сил.

Глава 4. О том, как я стала личной проблемой начальника стражи

Глава 4. О том, как я стала личной проблемой начальника стражи

Если бы мне сказали неделю назад, что я буду стоять перед падишахом империи Великих Моголов и рассказывать ему о содержимом его личного любовного письма, которое он написал три дня назад и никому не показывал, я бы покрутила пальцем у виска. Но вот я здесь. Стою. Рассказываю. И, судя по тому, как Шах-Джахан смотрит на меня своими огромными тёмными глазами, в которых плещется смесь священного ужаса и какого-то почти детского восторга, он мне верит.

Господи, во что я ввязалась.

Утро началось с того, что меня разбудили ни свет ни заря. Служанки — три молчаливые тени в ярких шальварах — ворвались в комнату и начали меня одевать с такой скоростью, будто я была ракетой, которую готовят к запуску. Я пыталась протестовать, но они не слушали. Они натянули на меня одежду, которую я никогда бы не выбрала сама: шальвары глубокого синего цвета, расшитые серебряной нитью, длинную тунику, которая обнимала фигуру так, что я чувствовала себя упакованной в подарочную обёртку, и дупатту — этот проклятый шарф, который всё время сползал с плеча, как пьяный гость с дивана.

— Можно я хотя бы кофе выпью? — простонала я.

Служанки переглянулись. Кофе в XVII веке, конечно, был — его уже завезли в Индию, — но явно не для таких, как я. Мне принесли чай с пряностями, который пах так, будто в чашку вылили весь базар специй разом. Я сделала глоток и чуть не задохнулась — кардамон, имбирь, корица и что-то ещё, от чего у меня загорелись глаза.

— Прекрасно, — прохрипела я. — Теперь я хотя бы проснулась.

Когда меня вытолкали в коридор, у дверей уже стоял Амар. Я сразу заметила, что он выглядит иначе. Не так, как вчера. Вчера он был просто суровым начальником стражи, который смотрел на меня как на досадную помеху. Сегодня он смотрел на меня так, будто я была бомбой с часовым механизмом. Нет, не так. Будто я была бомбой, которую он хотел бы обезвредить. Голыми руками.

Он был одет в чёрное с золотом — цвет, который ему невероятно шёл. Тюрбан с рубином. Сабля на поясе. Руки скрещены на груди, и мышцы под тканью халата перекачиваются так, что у меня пересохло во рту. Я снова подумала о том, что этот мужчина — ходячее произведение искусства. И, судя по его взгляду, он думал обо мне примерно то же самое, только с поправкой на то, что я — произведение современного искусства: непонятное, раздражающее и явно не вписывающееся в интерьер.

— Ты готова? — спросил он.

— Нет, — честно ответила я. — Я бы предпочла провалиться сквозь землю. Но, боюсь, в вашем дворце полы слишком хорошие для этого.

Он не улыбнулся. Он вообще редко улыбался. Но что-то в его глазах дрогнуло — искра, которая могла бы быть смехом, если бы он позволил себе смеяться.

— Ты будешь говорить с падишахом, — сказал он. — И с его советом. Говори правду. Или хотя бы ту версию правды, которую ты рассказала мне.

— А какая версия вам больше нравится? — я не удержалась. — Та, где я сумасшедшая, или та, где я шпионка?

Он шагнул ко мне. Близко. Слишком близко.

— Мне нравится версия, в которой ты остаёшься живой, — сказал он тихо. — Потому что если ты умрёшь, мне придётся найти новое развлечение. А ты, при всех твоих недостатках, весьма занимательна.

— Занимательна? — я приподняла бровь. — Вы меня сейчас сравнили с дрессированной обезьянкой?

— Обезьянки хотя бы не огрызаются.

— Значит, я — улучшенная версия обезьянки. С характером.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и я могла поклясться, что уголок его губ дрогнул. Почти улыбка. Почти.

— Идём, — сказал он. — Падишах не ждёт.

Зал Диван-и-Хас оказался именно таким, каким я его представляла по учебникам: белый мрамор, инкрустированный самоцветами, ажурные решётки, за которыми, как я подозревала, прятались невидимые наблюдатели, и трон — возвышение, усыпанное подушками, на котором восседал сам Шах-Джахан. Вдоль стен, на низких диванах, расположились придворные. Я насчитала человек двадцать, и все они смотрели на меня так, будто я была инопланетянином. Что, в общем-то, было недалеко от истины.

Первым, кого я заметила, был старик с посохом — Асаф-хан, великий визирь и, как я помнила, отец Мумтаз-Махал. Он смотрел на меня с такой неприязнью, что я физически ощутила, как у меня волосы на затылке встают дыбом. Рядом с ним сидели военачальники — бородатые, суровые, с саблями на поясах. Дальше — казначеи, писцы, какие-то религиозные деятели. И где-то в тени, у дальней колонны, сидел старик в простом белом одеянии, который смотрел на меня с любопытством, а не с враждебностью.

Амар встал справа от трона, чуть позади падишаха. Он был недвижим, как статуя, но я чувствовала его взгляд. Он прожигал меня насквозь. И, честно говоря, это было единственное, что удерживало меня от того, чтобы не рухнуть в обморок.

— Подойди, — сказал падишах.

Я подошла. Сердце колотилось где-то в горле. Я чувствовала, как двадцать пар глаз сверлят меня, и единственное, что спасало, — это мысль: «Света, ты историк. Ты знаешь этих людей по учебникам. Асаф-хан умрёт через десять лет. Вон тот военачальник проиграет битву при Балхе. А вон тот казначей будет уличён в воровстве. Ты знаешь больше, чем они. Ты — ходячая "Википедия" в мире, где нет интернета. Соберись».

— Вчера ты удивила меня, Светлана, — произнёс падишах. — Сегодня я хочу, чтобы ты удивила мой совет.

И я начала говорить. Сначала про бенгальцев — дату, место, количество нападавших. Потом, когда Асаф-хан начал задавать свои каверзные вопросы, я выдала то, чего не планировала: про письмо. Про личное, интимное письмо, которое Шах-Джахан написал Мумтаз и спрятал в шкатулке. Я знала об этом письме из исторических хроник — его найдут через триста лет, и оно станет сенсацией. Но сейчас, в 1628 году, о нём не знал никто, кроме самого падишаха.

Когда я закончила, в зале повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как потрескивают свечи.

Шах-Джахан смотрел на меня, и его лицо было бледным. Асаф-хан открыл рот и забыл закрыть. Военачальники переглядывались. А старик в белом — Фазиль-хан, придворный астролог, как я позже узнала, — улыбался в бороду так, будто я только что подтвердила его любимую теорию.

— Откуда... — голос падишаха дрогнул. — Откуда ты знаешь?

— Я же говорила, — я развела руками, надеясь, что они не трясутся слишком заметно. — Там, где я живу, история вашей любви с Мумтаз-Махал известна каждому. О ней пишут книги. Снимают фильмы. Слагают песни. Ваша любовь — легенда.

— Легенда? — переспросил он.

— Да. И я... — тут я запнулась, потому что поняла, что сейчас скажу то, что может всё испортить, но мой язык снова сработал быстрее мозга. — Я здесь, чтобы убедиться, что легенда станет реальностью. Что ничто не помешает вашей любви.

Падишах долго смотрел на меня. Потом перевёл взгляд на Амара.

— Ты слышал? — спросил он.

— Да, мой повелитель, — голос Амара был ровным, но я услышала в нём что-то, чего не слышала раньше. Напряжение? Ревность? Нет, не может быть. Он же меня ненавидит.

— Она останется здесь, — сказал падишах. — Под твоей защитой. И... — он помедлил, — пусть все думают, что она твоя наложница. Так будет меньше вопросов.

У меня внутри всё оборвалось.

— Простите, что? — вырвалось у меня.

— Это для твоей же безопасности, — сказал падишах. — Если узнают, что ты пророчица, тебя попытаются использовать. Или убить. А если будут думать, что ты просто наложница Амара Сингха, никто не посмеет тебя тронуть. Мой начальник стражи известен своим... гневом.

Я медленно повернулась к Амару. Он стоял всё так же неподвижно, но я видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих рукоять сабли.

— Наложница? — прошипела я, когда мы вышли из зала и оказались в коридоре. — Вы это слышали? Я — ваша наложница! Я даже не знаю, что наложницы делают!

— В основном молчат, — сухо заметил Амар.

— О, отлично. Значит, я — худшая наложница в истории.

— Ты даже не представляешь насколько.

Я закатила глаза и пошла за ним по коридору. Мои мысли скакали, как бешеные белки. Наложница. Я, Светлана Кукушкина, кандидат наук, реставратор, обладательница двух рыжих котов и ипотеки в Бутово, — наложница. Причём не чья-нибудь, а самого опасного мужчины во всей империи. Который, кстати, сейчас шёл впереди, и я снова пялилась на его спину. На то, как перекачиваются мышцы под тканью. На то, как узкие бёдра переходят в...

— Ты пялишься, — сказал он, не оборачиваясь.

Я огрызнулась.

— Вдруг сзади враги.

— Врагов сзади нет. Только ты.

— Очень смешно. Вы всегда такой остроумный или только когда рядом женщина, которую вы вынуждены терпеть?

Он резко остановился и развернулся. Я врезалась в него носом и отскочила, потирая ушибленное место.

— Я никого не вынужден терпеть, — сказал он тихо. — Я могу приказать тебя запереть в дальней башне и забыть о твоём существовании. Но я этого не делаю. Как думаешь, почему?

— Потому что падишах приказал вам меня охранять?

— Потому что... — он замолчал. Его челюсть сжалась. — Неважно. Идём.

Он снова зашагал вперёд, а я поплелась за ним, чувствуя, как сердце колотится где-то в районе ушей. Что он хотел сказать? «Потому что ты мне интересна»? «Потому что я не могу

перестать о тебе думать»? «Потому что прошлой ночью я представлял тебя в своём халате и не мог уснуть»?

Ага, раз мечталась. Скорее всего, он хотел сказать: «Потому что ты — ходячая проблема, и мне нужно держать тебя на виду».

Но всё же...

Когда мы вернулись в наши покои — в НАШИ покои, боже, как это звучит, — я рухнула на подушки и устала в потолок. Амар остался стоять у двери, скрестив руки.

— Ты можешь идти, — сказала я. — Я в безопасности. Стены толстые, врагов нет, если только тараканы не планируют восстание.

— Я останусь.

— Зачем?

— Затем, что ты только что объявила всему совету, что знаешь будущее. Теперь каждый визирь, каждый военачальник, каждый слуга, который подслушивал за дверью, будет пытаться добраться до тебя. Кто-то — чтобы узнать свою судьбу. Кто-то — чтобы изменить её. А кто-то — чтобы убедиться, что ты не расскажешь о его секретах.

— У меня нет их секретов.

— У тебя есть их будущее. Этого достаточно.

Я села и посмотрела на него. Он стоял вполоборота, и свет из окна падал на его лицо, делая черты ещё резче. Скулы. Подбородок. Губы. Я поймала себя на том, что смотрю на его губы, и заставила себя отвернуться.

— Значит, вы будете сидеть здесь и сторожить меня, как цербер? — спросила я.

— Кто такой цербер?

— Трёхголовый пёс, который охраняет врата Аида.

— Аид?

— Загробный мир. У греков. Древних. Неважно. — Я вздохнула. — Это комплимент. Цербер — хороший охранник.

— Значит, я — трёхголовый пёс, — сказал он без тени улыбки. — А ты — душа в загробном мире.

— Учитывая, что я застряла в семнадцатом веке без интернета и кофе, это чертовски точное описание.

Он ничего не ответил. Я снова легла и закрыла глаза. Тишина звенела в ушах. Я чувствовала его присутствие — физически, кожей. Он стоял у двери, не двигаясь, но я знала, что он смотрит на меня. И это знание заставляло моё сердце биться быстрее, чем любая опасность.

— Амар, — сказала я, не открывая глаз.

— Что?

— Почему у вас нет гарема?

Пауза.

— Откуда ты знаешь, что у меня нет гарема?

— Служанки болтали, — соврала я. На самом деле я поняла это по тому, как он смотрел на меня. Мужчина, у которого есть гарем, не смотрит на женщину так, будто она — единственный источник воды в пустыне. — Они говорят, вы отказываете всем предложениям. Что вы одиноки. Почему?

Он долго молчал. Я уже думала, что он не ответит.

— Потому что я не хочу никого терять, — сказал он наконец. Его голос был тихим. Другим. — Я уже терял. Семью. Родителей. Сестёр. Я не хочу проходить через это снова.

Я открыла глаза и повернула голову. Он стоял всё так же неподвижно, но что-то в его лице изменилось. Жёсткость ушла, и на мгновение я увидела не начальника стражи, а просто мужчину.. Прячущего боль за бронёй.

— Мне жаль, — сказала я.

— Не нужно. Это было давно.

— Давно — не значит, что не больно.

Он посмотрел на меня. Долгим, изучающим взглядом. И я поняла, что мы только что перешли какую-то невидимую черту. Он только что показал мне трещину в своей броне. И я не знала, что с этим делать.

— Ты странная, — сказал он наконец.

— Я знаю. Вы мне это уже говорили.

— Нет, — он покачал головой. — Ты странная, потому что с тобой хочется говорить. Я не хотел говорить ни с кем уже много лет.

У меня внутри что-то перевернулось. Что-то тёплое и опасное.

— Может, это потому, что я — единственная, кто не боится вас до усрачки? — предположила я.

Он моргнул.

— «До усрачки»? Что это значит?

— Это такое выражение из моего времени. Означает «очень сильно бояться». Дословно — до такой степени, что...

— Я понял, — перебил он. И вдруг — о чудо — уголок его губ дрогнул. — У вас в будущем очень грубый язык.

— У нас в будущем много чего грубого. И прекрасного. И странного. Вы бы удивились.

— Я уже удивлён.

Мы замолчали. Тишина больше не была напряжённой. Она была... уютной? Я лежала на подушках, он стоял у двери, и мы просто были. Два человека из разных миров, запертые в одном дворце, в одной эпохе, в одной странной ситуации, которая с каждым часом становилась всё более нелепой.

— Амар, — снова позвала я.

— Что?

— Вы действительно будете спать у двери?

— Если потребуется.

— Это глупо. У вас есть своя комната. За стеной.

— За стеной — слишком далеко.

— Слишком далеко для чего?

— Чтобы успеть, если кто-то попытается тебя убить.

— А, — я кивнула. — Значит, это чисто профессиональное. Охрана.

Я улыбнулась в потолок. Врёт. Ох, врёт. И я это знаю. И он знает, что я знаю. И, кажется, ему плевать.

— Спокойной ночи, трёхголовый пёс, — сказала я.

— Спокойной ночи, душа из загробного мира, — ответил он.

И я заснула с улыбкой на лице.

Ночью мне приснился странный сон. Будто я иду по коридорам дворца, и они бесконечны, как лабиринт. Поворот за поворотом, дверь за дверью. Я ищу что-то — или кого-то,

— но не могу найти. А потом вижу свет в конце коридора и бегу туда, и там, в луче лунного света, стоит Амар. Без доспехов. Без оружия. Просто мужчина в простой белой рубашке, с распущенными волосами. Он протягивает мне руку, и я беру её, и она тёплая, и он говорит: «Я не хочу тебя терять».

Я проснулась в холодном поту.

За окном пели первые птицы. Свечи догорели. Амар стоял у двери — на том же месте, в той же позе. Он не спал. Он смотрел на меня.

— Ты кричала во сне, — сказал он.

— Что я кричала?

— Моё имя.

Я села на кровати, чувствуя, как горят щёки.

— Это был кошмар, — быстро сказала я. — Наверное. Не помню.

— Лжёшь.

— Да, лгу. Но вы всё равно не поверите, если я скажу правду.

— Скажи.

Я посмотрела на него. На то, как он стоит — напряжённый, готовый к чему угодно, кроме, пожалуй, того, что я сейчас скажу.

— Это был не кошмар. Это было... хорошее. Интимное..

Он ничего не ответил. Просто смотрел на меня, и в его глазах было что-то, от чего у меня перехватило дыхание. А потом он развернулся и вышел, и я услышала, как закрылась дверь в его комнату.

Я рухнула обратно на подушки и закрыла лицо руками.

— Ну и зачем ты это сказала? — прошипела я сама себе. — Зачем? Теперь он точно будет думать, что ты сумасшедшая. Или влюблённая. Или и то, и другое.

А потом до меня дошло. Я назвала его имя во сне. Вслух. И он слышал. И он стоял и слушал, как я зову его во сне, и, наверное, думал о том же, о чём я думала сейчас: что бы это значило?

— Влюблённая, — прошептала я в подушку. — Я влюблённая. В начальника стражи. Который пообещал скормить меня шакалам. Классическая Света.

Я рассмеялась. Истерично. В подушку.

Глава 5. Неожиданный дар

Глава 5. Неожиданный дар

Прошло три дня. Три дня относительного затишья. Падишах был занят государственными делами — бенгальцев, о которых я предупредила на совете, взяли без единой потери, и Шах-Джахан праздновал победу. Я слышала, как во дворце гремели барабаны, как придворные пели хвалу падишаху, как где-то в гареме танцевали лучшие танцовщицы. Меня не звали. И слава богу.

Вместо этого я проводила дни в покоях Амара — НАШИХ покоях, мать его, — пытаюсь понять, как работает этот мир и как мне, чёрт возьми, вернуться обратно. Кулон на шее всё ещё был там, уменьшенный до размера горошины, и иногда, когда я прикасалась к нему, он казался тёплым. Почти горячим. Особенно по ночам. Особенно после снов.

Я ещё не связала эти два факта. Пока что я просто думала, что у меня температура. Или что акклиматизация в XVII веке длится дольше, чем я рассчитывала.

Амар в эти дни был рядом. Всегда. Он не отходил от меня ни на шаг, и если бы это был кто-то другой, я бы чувствовала себя пленницей. Но с ним — странное дело — я чувствовала себя в безопасности. Он сидел у двери, пока я спала. Он проверял мою еду, прежде чем подать. Он провожал меня даже в уборную — и хотя я протестовала, он просто говорил: «Я буду ждать за дверью», — и ждал. Как огромный, суровый, невероятно привлекательный цербер, который охраняет не врата Аида, а мой мочевого пузыря.

— Знаете, — сказала я ему на третий день, когда мы сидели в маленьком внутреннем дворике, куда он вывел меня «подышать воздухом», — в моём мире мужчины не ходят за женщинами в туалет.

— В твоём мире, наверное, женщин не пытаются отравить.

— Пытаются. Но обычно это делают более изобретательно. Например, женятся на них.

Он посмотрел на меня с тем выражением, которое я уже научилась расшифровывать: «Ты говоришь странные вещи, и я не знаю, смеяться мне или вызывать лекаря».

— У вас в будущем странные обычаи, — сказал он.

— У вас в прошлом тоже. Например, вы до сих пор не объяснили мне, почему служанки приносят мне ваш халат, а не какой-нибудь другой.

— Потому что это мой халат.

— Гениальное объяснение. Просто гениальное. Я прямо чувствую, как пазл складывается.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ты носишь мою одежду. Ты спишь в моей постели. Ты живёшь в моих покоях. Если кто-то спросит, чья ты, ответ очевиден.

— Чья? — я поперхнулась воздухом. — Я — СВОЯ собственная. Я не вещь, которую можно принести и положить на полку.

— Ты — проблема. Моя проблема.

— О, какая прелесть. Меня только что сравнили с головной болью. Я польщена.

— Головная боль хотя бы проходит, — сказал он. — Ты — нет.

— Это потому что я — мигрень. Хроническая. С аурой.

— С чем?

— Неважно. Забудьте.

Вечером того же дня всё пошло к чёрту. Это случилось в бане. Да-да, вы не ослышались. В бане.

Амар разрешил мне посетить дворцовые купальни — маленькие, закрытые, предназначенные для высокопоставленных гостей. Он лично проверил помещение, выгнал всех слуг, выставил охрану снаружи и сказал: «У тебя полчаса. Если через полчаса не выйдешь, я войду».

— А если я буду голая? — спросила я из чистого озорства.

— Я уже видел тебя почти голой. Это не произвело на меня впечатления.

— ВРЁТЕ! — крикнула я ему в спину. — Вы тогда чуть саблю не выронили!

Он не обернулся, но я заметила, как дрогнули его плечи.

Купальни были роскошны. Мраморный бассейн, наполненный горячей водой, благоухающей розами и сандалом. Пар поднимался к потолку, расписанному звёздами. Я скинула одежду и скользнула в воду, чувствуя, как напряжение последних дней растворяется в тепле.

— Боже, — простила я, откидываясь на мраморный бортик. — Если бы здесь ещё был гель для душа и нормальный шампунь, я бы, наверное, согласилась остаться здесь навсегда.

— Что такое гель для душа? — раздался голос от двери.

Я взвизгнула и ушла под воду с головой. Вынырнула, отплёвываясь и кашляя.

— Вы! — заорала я, прикрывая грудь руками. — Вы сказали — полчаса! Прошло от силы десять минут!

Амар стоял в дверях, скрестив руки, и смотрел на меня. Его взгляд скользнул по моим голым плечам, по воде, которая ничего не скрывала, по моим мокрым волосам, прилипшим к щекам.

— Я услышал, что ты кричишь, — сказал он.

— Я не кричала! Я стонала! Это разные вещи!

— Я не заметил разницы.

Он не уходил. Просто стоял и смотрел. И в его глазах было что-то, от чего вода вокруг меня, кажется, начала закипать.

— Вы собираетесь стоять там и смотреть? — возмутилась я. — Это называется вуайеризм. В моём мире за это могут посадить.

— В твоём мире много странных законов. — Он не двинулся с места. — В моём мире мужчина имеет право смотреть на женщину, которую он охраняет. Чтобы убедиться, что она в безопасности.

— И как, убедились? Я в безопасности?

— Ты в опасности, — сказал он тихо. — Но не от врагов.

Я сглотнула. Воздух между нами стал густым, как патока. Я сидела в воде, прикрывая грудь, а он стоял у двери и смотрел на меня так, будто я была не пленницей, не пророчицей, не проблемой — а женщиной. Просто женщиной. Которую он хотел.

— Амар, — прошептала я.

— Что?

— Выйдите.

Он моргнул. Словно очнулся ото сна.

— У тебя ещё двадцать минут, — сказал он и вышел, закрыв за собой дверь.

Я рухнула обратно в воду и закрыла лицо руками. Сердце колотилось так, что волны расходились по бассейну.

— Он хотел... — прошептала я. — Он правда хотел...

Я застонала и ушла под воду с головой. Когда вынырнула, решение было принято: я ничего не буду делать. Просто притворюсь, что этого разговора не было. И буду притворяться, пока у меня не получится.

Этой ночью мне снова приснился сон.

На этот раз он был ярче. Чётче. Я стояла на балконе — том самом, куда меня водил падишах, — и рядом со мной стоял Амар. Без доспехов. В простой белой рубашке. Его волосы были распущены, и ветер трепал их. Он смотрел на меня, и в его глазах была та самая смесь голода и нежности, которую я видела в купальне.

— Я не хочу тебя терять, — сказал он.

— Ты меня не теряешь, — ответила я. — Я здесь.

— Ты из другого мира. Ты можешь исчезнуть в любой момент. — Он шагнул ко мне и взял моё лицо в ладони. — Я не знаю, кто ты. Я не знаю, откуда ты. Но я знаю, что если ты исчезнешь, я никогда себе не прощу.

— Чего не простишь?

— Того, что не сделал этого.

И он поцеловал меня.

Во сне поцелуй был долгим, глубоким, таким настоящим, что я чувствовала вкус его губ, чувствовала тепло его ладоней на моих щеках, чувствовала, как его пальцы запутываются в моих волосах. Я прижалась к нему, и он застонал мне в губы, и его руки скользнули вниз по моей спине, притягивая меня ближе, ещё ближе, пока между нами не осталось ничего, кроме ткани и желания.

— Амар, — прошептала я во сне. — Амар, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — его голос был хриплым. — Скажи.

— Не отпускай меня.

— Не отпущу.

Я проснулась.

Одна. В темноте. Дыхание сбито, сердце колотится, а тело... тело предательски помнило каждое прикосновение из сна. Я села на кровати и прижала ладони к горящим щекам.

— Чёрт, — прошептала я. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Дверь открылась. Амар стоял на пороге — без доспехов, в простой рубашке, точь-в-точь как во сне. Моё сердце пропустило удар.

— Ты звала меня, — сказал он.

— Я... да... то есть нет... то есть я кричала во сне? Опять?

— Ты звала моё имя. Не кричала. Звала. — Он шагнул в комнату. — Снова кошмар?

— Нет. — Я посмотрела на него. На то, как лунный свет падает на его лицо. На то, как его рубашка обтягивает плечи. — Это был не кошмар.

Он подошёл ближе. Остановился у края кровати.

— Что тебе снилось?

— Вы.

В комнате стало тихо. Так тихо, что я слышала, как бьётся его сердце. Или моё. Или оба сразу.

— Что именно тебе снилось? — спросил он. Его голос стал низким.

— Мне снилось... — я облизала пересохшие губы. — Мне снилось вы меня поцеловали.

Он смотрел на меня. Молча. Бесконечно долго. А потом он наклонился, упёрся руками в кровать по обе стороны от моих бёдер и приблизил своё лицо к моему. Так близко, что наши губы почти соприкасались.

— И как? — спросил он шёпотом. — Во сне это было хорошо?

— Лучше, чем в реальности? — я нервно хохотнула. — Я не знаю. В реальности меня ещё никто так не целовал.

— Хочешь узнать?

Я должна была сказать нет. Должна была оттолкнуть его. Должна была вспомнить, что я — чужая в этом мире, что моя миссия — спасти историю, а не влюбляться в начальника стражи. Но вместо этого я сказала:

— Да.

И он поцеловал меня.

Это было лучше, чем во сне. В сто раз лучше. Его губы были мягкими, но настойчивыми, его руки скользнули в мои волосы точь-в-точь как во сне, и я застонала ему в рот, и он ответил стоном. Поцелуй углубился. Я вцепилась в его рубашку, притягивая ближе, и он перенёс вес на кровать, и я почувствовала жар его тела через тонкую ткань.

— Света, — прошептал он, отрываясь на секунду. — Я не хочу тебя терять.

Точно. Как. Во. Сне.

И тут меня пронзило. Сон сбылся. Слово в слово. Я не говорила ему эту фразу. И теперь — реальность, которая повторяет сон до мельчайших деталей.

— Подожди, — я отстранилась, тяжело дыша. — Подожди.

— Что? — он смотрел на меня затуманенными глазами.

— Я видела это. Во сне. Всё это. Твои слова. Поцелуй. Даже то, как ты сейчас смотришь на меня. Это всё было во сне.

— И что?

— Как «что»? — я вскочила с кровати и начала мерить шагами комнату. — Это значит либо это просто совпадение, либо, что мои сны сбываются! Я очень надеюсь, что это мне только кажется!

— Ты говорила, что знаешь будущее, потому что ты из него.

— Одно дело — знать историю по учебникам. Другое — видеть во сне то, что случится через пять минут! Это разные вещи! Я не знала про поцелуй! Я не знала, что ты скажешь эти слова! Я не планировала!

Он сел на кровати и смотрел на меня. Его дыхание всё ещё было сбитым, волосы растрёпаны, губы припухли от поцелуя. Он был прекрасен. И это бесило. Я выдохнула. Его руки всё ещё лежали на моих плечах. Тёплые. Тяжёлые. Успокаивающие.

— И что мне делать?

— Для начала — выспаться. А завтра посмотрим, что принесёт новый день.

Я вернулась в кровать. Он сел на своё обычное место у двери, но теперь между нами было что-то новое. Поцелуй. Признание. Общее знание того, что мы только что перешли черту.

Я закрыла глаза и мгновенно провалилась в сон. Сон пришёл сразу.

На этот раз мне снился падишах. Он стоял в своей библиотеке, держа в руках книгу, которую показывал мне днём — старый томик Руми. Он улыбался. Но не мне. Той, что стояла напротив него. Я не видела её лица, только спину, закутанную в расшитое золотом покрывало. Падишах протянул ей книгу и сказал: «Это Руми. Ты знаешь его?» И женщина обернулась.

Это была я.

Я смотрела, как я-из-будущего беру книгу, улыбаюсь и цитирую ту самую строфу: «За пределами идей о правильном и неправильном есть поле. Я встречу тебя там». Падишах смотрит на меня с восхищением. Потом берёт меня за руку. Потом подносит мою руку к губам и целует. А потом говорит:

— Ты особенная, Светлана. Я никогда не встречал такой женщины. Останься со мной.

И я-из-сна отвечаю:

— Я не могу, мой повелитель. Моё место не здесь.

— Твоё место там, где ты хочешь быть. А я хочу, чтобы ты была здесь.

Конец сна.

Я проснулась в холодном поту. За окном занимался рассвет. Амар дремал у двери, но когда я резко села, он мгновенно открыл глаза.

— Что?

— Мне приснилось... — я сглотнула. — Мне приснилось, что падишах... что он...

Амар ничего не сказал. Но его челюсть сжалась.

— Это плохо, — продолжила я. — Очень плохо. Если он влюбится в меня, он забудет Мумтаз. А если он забудет Мумтаз, Тадж-Махала не будет. История изменится.

— Может, это просто сон, — сказал он, но я слышала в его голосе сомнение.

— Надеюсь... Но с тобой то сбылось..

Он помолчал.

— Тогда мы должны сделать так, чтобы этот не сбылся.

— Как? Как остановить падишаха?

— Для начала — избегать его.

— Он падишах. Он может приказать мне явиться.

— Тогда притворяйся скучной.

— Скучной? Я не умею быть скучной! Я — ходячий цирк!

— Тогда притворяйся сумасшедшей.

— Я уже притворяюсь. Не помогает.

Он вздохнул.

— Тогда придумаем что-то ещё.

«Что-то ещё» не понадобилось, потому что падишах пригласил меня на прогулку в тот же день.

Приглашение доставил Хошдар — тот самый евнух с лицом, которое знало все секреты дворца. Он вошёл в мои покои с таким видом, будто делал мне величайшее одолжение.

— Падишах желает видеть тебя в Саду Роз через час, — объявил он. — Он просил передать, что приготовил для тебя сюрприз.

— Сюрприз? — я нервно сглотнула. — Какой сюрприз?

— Не имею права говорить. Но скажу так: надень то платье, которое тебе подарили вчера. Падишах будет рад.

Я бросила взгляд на Амара. Он стоял у окна, и его лицо было каменным.

— Передай падишаху, что я почтена, — сказала я Хошдару. — И что я буду.

Когда евнух ушёл, я повернулась к Амару:

— Ты слышал? Сюрприз. Платье. Сад Роз. Это плохо.

— Это очень плохо, — согласился он. — Я иду с тобой.

Сад Роз был прекрасен. Тысячи цветов цвели вокруг, наполняя воздух сладким ароматом. Фонтан журчал, птицы пели. И посреди всего этого великолепия стоял Шах-Джахан — в белом халате, расшитом золотом, с тюрбаном, на котором сверкал изумруд размером с куриное яйцо. Он улыбался.

— Светлана! — он пошёл мне навстречу, раскинув руки, будто собирался обнять. Я ловко увернулась, сделав вид, что поправляю дупатту. — Ты пришла. Я боялся, что ты откажешься.

— Разве можно отказать падишаху? — я выдавила улыбку.

— Можно. Но я рад, что ты не стала. — Он жестом пригласил меня сесть на мраморную скамью у фонтана. Я села. Амар встал в пяти шагах позади.

— Ты говорила, что в твоём мире мужчины дарят женщинам цветы, когда хотят выразить... симпатию, — сказал падишах. — Я запомнил.

Он хлопнул в ладоши, и из-за кустов вышли слуги. Они несли корзины. Огромные корзины, полные роз. Красных, белых, розовых. Они поставили их вокруг скамьи, пока я не оказалась окружена цветами со всех сторон.

— Это тебе, — сказал Шах-Джахан.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Мой повелитель, — выдавила я, — это... очень много роз.

— Недостаточно. Ты заслуживаешь целого сада.

— У вас уже есть целый сад. — Я обвела рукой пространство. — Это он. Сад Роз. Я буквально сижу в саду.

— Тогда я подарю тебе ещё один. — Он улыбнулся так, будто это решало проблему. — Я прикажу построить сад в твою честь. С фонтанами. С павлинами. С...

— Мой повелитель, — перебила я, что было нарушением этикета, но я уже была в панике, — я не могу принять такой подарок.

— Почему?

— Потому что... — я лихорадочно искала причину, — потому что у меня аллергия!

— Что такое «аллергия»?

— Это когда цветы заставляют меня чихать. И плакать. И покрываться сыпью. Вот, смотрите, я уже... — я изобразила чих, — ...чихаю! Апчхи!

Падишах посмотрел на меня с сомнением.

— Ты чихаешь как-то ненатурально.

Шах-Джахан нахмурился. Я поняла, что перегибаю палку.

— Мой повелитель, — сказала я мягче, — я бесконечно благодарна за вашу щедрость. Но я — чужая в вашем мире. Я не могу принять дары, которые предназначены для... для кого-то более достойного.

— Для кого же?

— Для вашей жены. Для Мумтаз-Махал.

При упоминании её имени его лицо изменилось. На мгновение я увидела в его глазах тень — ту самую тоску, которую заметила в первый день.

— Мумтаз, — повторил он задумчиво. — Она... она другая. Она просто... жена.

— И это прекрасно! — горячо сказала я. — Быть женой — это великое призвание! Особенно женой такого человека, как вы. Она подарила вам детей. Она прошла с вами через войны и ссылки. Она — ваша история.

— Моя история, — медленно произнёс он. — А ты — моё будущее?

— Нет! — почти выкрикнула я. — Я — никто. Я — ошибка. Я — пузырь, который лопнет. Не смотрите на меня, мой повелитель. Смотрите на неё.

Он долго смотрел на меня. Потом встал.

— Ты отказываешься от даров, которые любая другая женщина приняла бы с радостью. Ты говоришь о моей жене так, будто она..

— Я не...

— Не перебивай. — Он поднял руку. — Я не знаю, что тобой движет. Может быть, ты действительно хочешь сохранить мою любовь к Мумтаз, как ты говорила. Может быть, у тебя другие мотивы. Но я скажу тебе вот что: я никогда не встречал такой женщины, как ты. И я не привык отказываться от того, что хочу.

С этими словами он развернулся и ушёл. Слуги поспешили за ним. Я осталась сидеть у фонтана, окружённая корзинами роз, и чувствовала, как внутри всё холодеет.

— Ты слышал? — прошептала я, обращаясь к Амару.

— Слышал, — он подошёл ближе.

— Он только что практически признался мне в... в чувствах. Падишах. Мне.

— Я знаю.

— Что мне делать?

— Для начала — уйти отсюда, пока он не вернулся.

Я встала на негнущихся ногах. Амар взял меня за локоть и повёл обратно во дворец. Всю дорогу мы молчали. Я думала о сне. О том, как падишах целовал мою руку. О том, как это начинало сбываться — не буквально пока, но по сути. Интерес, подарки, слова. Сон шёл к исполнению.

И я должна была остановить его. Любой ценой.

Ночью мне приснился ещё один сон.

На этот раз он был коротким, но ярким. Я видела Мумтаз-Махал. Она стояла на том самом балконе, где падишах показывал мне макет дворца. Она плакала. Слезы текли по её прекрасному лицу, и она прижимала руку к животу — к тому самому животу, в котором рос её четырнадцатый ребёнок.

— Он больше не смотрит на меня, — говорила она кому-то невидимому. — Он смотрит на неё. На чужеземку. Что мне делать?

И голос — кажется, Асаф-хана, её отца, — отвечал:

— Мы должны избавиться от неё. Пока она не разрушила всё.

Я проснулась от собственного крика.

Амар был рядом мгновенно. Он прижал меня к себе, и я вцепилась в его рубашку, дрожа.

— Что? Что ты видела?

— Мумтаз, — выдохнула я. — Она знает. Она плачет. И её отец... он хочет меня убить.

Амар напрягся.

— Этого не будет, — сказал он. — Я не позволю.

— Это не главное. Главное — что она страдает. Она, чёрт возьми, страдает из-за меня. Из-за того, что падишах смотрит на меня, а не на неё. Я меняю историю. Я ЛОМАЮ историю.

Я вытерла слёзы и посмотрела на него.

— Я должна сделать так, чтобы он возненавидел меня.

— Что?

— Или хотя бы разочаровался. Я должна стать скучной. Нет, хуже — отвратительной. Я должна сделать что-то, что заставит его бежать обратно к Мумтаз.

Амар смотрел на меня так, будто я предложила станцевать на голове.

— И что ты собираешься делать?

— Пока не знаю, — призналась я. — Но я придумаю. Завтра.

На следующее утро я проснулась с твёрдым намерением. Я стану самой отвратительной, невыносимой, скучной и раздражающей женщиной, которую только видел двор Великих Моголов. Я заставлю падишаха разлюбить меня. Я спасу историю.

План был гениален.

Жаль только, что я не учла одного: чем больше я пыталась быть отвратительной, тем смешнее это выглядело. И тем больше падишах мной очаровывался.

Глава 6. Амар: О том, как я перестал контролировать себя, падишаха и эту невозможную женщину

Глава 6. Амар: О том, как я перестал контролировать себя, падишаха и эту невозможную женщину

Я всегда считал, что контроль — это основа всего. Контроль над телом. Контроль над мыслями. Контроль над мечом, над дыханием, над сердцем. Мой учитель, старый раджпутский воин, говорил: «Если ты не контролируешь себя, ты не контролируешь ничего. А если ты не контролируешь ничего, ты уже мёртв». Я запомнил этот урок. Я вбил его в свою кровь, в свои кости, в каждый удар сабли.

А потом появилась она. И весь мой контроль разлетелся вдребезги, как дешёвый глиняный горшок.

Я пишу это не для того, чтобы оправдаться. Я не нуждаюсь в оправданиях. Я — Амар Сингх, начальник императорской стражи, и если я что-то делаю, значит, на то есть причина. Но я пишу это, чтобы понять. Понять, как одна женщина — не самая красивая, не самая знатная, не самая умелая в придворных искусствах — сумела за две недели разрушить двадцатилетнюю крепость моего самообладания.

С чего всё началось? С бани. Да, с той самой проклятой дворцовой бани, куда я имел полную свободу отпустить её одну.

Я помню этот день до мельчайших подробностей. Она ныла, что хочет помыться «по-человечески», а не из тазика, который служанки приносили в комнату. Я понимал её. В покоех было душно, вода быстро остывала, и она, привыкшая к удобствам своего странного будущего, страдала. Я решил дать ей полчаса в гостевых купальнях — маленьких, хорошо охраняемых, с одним входом.

— У тебя полчаса. Если через полчаса не выйдешь, я войду, — сказал я, проверяя замки на окнах.

— А если я буду голая? — спросила она. В её глазах плясали бесенята.

— Я уже видел тебя почти голой. Это не произвело на меня впечатления.

— ВРЁТЕ! — крикнула она мне в спину. — Вы тогда чуть саблю не выронили!

Я не обернулся. Потому что она была права. Я действительно чуть не выронил саблю тогда, в первую ночь, когда она стояла в моём халате, мокрая, с каплями воды на шее. И я действительно врал, когда говорил, что это не произвело впечатления. Это произвело такое впечатление, что я потом час рубил тренировочное чучело, представляя на его месте собственную несдержанность.

Я оставил её в купальне и встал за дверь. Два стражника по бокам. Сам я оперся о стену, скрестил руки и приготовился ждать. Внутри журчала вода. Она плескалась, вздыхала, что-

то бормотала на своём странном языке. Я пытался не слушать. Пытался думать о расписании караулов, о бенгалыцах, о чём угодно, кроме неё, лежащей в горячей воде, в облаке пара, с волосами, разметающимися по мраморному бортику.

А потом она застонала.

Это был не крик. Не зов о помощи. Это был низкий, гортанный стон удовольствия — такой, какой женщина издаёт, когда... когда ей хорошо.

Моё тело отреагировало раньше, чем мозг успел что-то приказать. Я сорвался с места, распахнул дверь и вошёл. Я не думал о том, что она голая. Я думал только о том, что кто-то мог проникнуть, что ...

Она сидела в воде, прижимая руки к груди, и смотрела на меня огромными глазами. Вода доходила ей до плеч, но сквозь прозрачную глубину я видел очертания её тела — мягкие изгибы, длинные ноги, скрещённые под водой. Пар поднимался вокруг неё, и она была похожа на нимфу из старых легенд, на апсару, сошедшую с небес, чтобы испытать мою волю.

— Вы! — заорала она. — Вы сказали — полчаса! Прошло от силы десять минут!

Я не мог ответить. Язык прилип к нёбу. Я смотрел на неё и думал о том, как эта вода стекает по её плечам. Как капли скользят по шее вниз, туда, где её руки прикрывают грудь, но не полностью — я видел мягкую округлость, видел тёмный сосок, мелькнувший на мгновение, когда она пошевелилась. Видел, как под водой её бёдра сжимаются вместе, словно она пыталась спрятаться от моего взгляда. Бесполезно. Я уже всё видел. И я уже всё представил.

Я представил, как вхожу в эту воду прямо в одежде. Как опускаюсь на колени перед ней. Как убираю её руки от груди и касаюсь губами — сначала ключицы, потом ниже, потом беру в рот этот сосок и слышу, как она стонет. Тот самый стон, который заставил меня ворваться сюда. Но теперь — для меня. Только для меня.

Я представил, как она выгибается навстречу, как её ноги обвиваются вокруг моей талии, как её ногти впиваются в мои плечи. Как я прижимаю её к мраморному бортику и вхожу в неё — медленно, чувствуя, как жар её тела обволакивает меня даже сквозь воду.

— Вы собираетесь стоять там и смотреть? — её голос вырвал меня из этого наваждения.

Я заставил себя говорить. Сказал что-то про безопасность, про то, что я должен убедиться. Ложь. Я уже убедился. Я убедился, что она в полной безопасности от всех, кроме меня. Потому что в этот момент самым опасным человеком в её жизни был я.

— Вы в опасности, — сказал я. — Но не от врагов.

Она поняла. По тому, как расширились её зрачки, как дыхание стало чаще, как вода вокруг неё пошла рябью от дрожи. Она поняла, что я имею в виду. И она не испугалась. Вот что было страшнее всего. Она не отшатнулась. Она не закричала. Она просто смотрела на меня, и в её серых глазах было то же самое, что и у меня: желание. Голод. Готовность.

— Амар, — прошептала она. — Выйдите.

Я вышел. Потому что если бы я остался ещё на минуту, я бы уже не смог остановиться. Я бы вошёл в эту воду, наплевав на всё: на долг, на приличия. Я бы взял её прямо там, в бане, на мраморном полу, и весь дворец услышал бы, как она кричит моё имя.

Я закрыл дверь и прижался лбом к прохладной стене. Мои руки дрожали. Мне потребовалось несколько минут, чтобы дыхание выровнялось, а мысли перестали крутиться вокруг её обнажённого тела.

«Ты — начальник стражи, — сказал я себе. — Ты дал клятву. Она под твоей защитой. Она не может быть твоей».

Но когда она вышла из купальни — раскрасневшаяся, с мокрыми волосами, в моём халате (опять в моём проклятом халате, который служанки подали ей по моему же приказу, потому что я хотел, чтобы она пахла мной), — я понял, что клятва трещит по швам.

Ночью мне приснился сон.

Мне вообще редко снятся сны. Обычно я проваливаюсь в темноту и вынырываю на рассвете. Но в ту ночь я увидел её. Она стояла на балконе, в лунном свете, и на ней не было ничего, кроме моей рубашки — той самой, белой, простой. Рубашка сползала с плеча, открывая ключицу, и я подошёл к ней сзади, обнял, прижал к себе.

— Я не хочу тебя терять, — сказал я. Во сне слова давались легко. Во сне не было долга, не было падишаха, не было страха.

— Ты меня не теряешь, — ответила она. — Я здесь.

— Ты из другого мира. Ты можешь исчезнуть в любой момент.

Я взял её лицо в ладони. Её кожа была тёплой, и она смотрела на меня с таким доверием, что у меня перехватило дыхание.

— Я не знаю, кто ты. Я не знаю, откуда ты. Но я знаю, что если ты исчезнешь, я никогда себе не прощу.

— Чего не простишь?

— Того, что не сделал этого.

И я поцеловал её.

Во сне поцелуй был долгим и глубоким. Она ответила сразу — приоткрыла губы, впустила мой язык, застонала. Её руки обвились мою шею. Мои руки скользнули вниз по её спине, остановились на талии, сжали. Я притянул её ближе, и она почувствовала, насколько я её хочу — почувствовала всем телом, потому что между нами была только тонкая ткань рубашки.

— Амар, — прошептала она. — Амар, пожалуйста...

— Что «пожалуйста»? — мой голос был хриплым. — Скажи.

— Не отпускай меня.

— Не отпущу.

Я проснулся. В спальне было темно. За стеной она ворочалась и что-то бормотала. Я лежал, глядя в потолок, и пытался усмирить собственное тело, которое всё ещё помнило сон. Пытался выбросить из головы образ её обнажённых плеч, её губ, её голоса.

Не получилось.

А потом она позвала меня. Не закричала — позвала. Моё имя в её устах прозвучало как приглашение. И я пошёл. Конечно, я пошёл. Я бы пошёл за ней куда угодно — в бой, в огонь, в бездну.

Она сидела на кровати, раскрасневшаяся, с блестящими глазами, и сказала, что видела меня во сне. Что я поцеловал её.

— И как? — спросил я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Во сне это было хорошо?

— Лучше, чем в реальности? — она нервно засмеялась. — Я не знаю. В реальности меня ещё никто так не целовал.

— Хочешь узнать?

Это был вопрос, на который я не должен был задавать. Она не должна была отвечать. Но она ответила «да», и я перестал думать.

Я целовал её так, как мечтал целовать все эти дни. Жадно. Глубоко. Сжимая её волосы в кулаке, чувствуя, как её пальцы впиваются в мои плечи. Её губы были мягкими, податливыми, и она пахла чем-то незнакомым — своим шампунем из будущего, — и этот запах сводил меня с ума. Я хотел её. Всю. Сейчас. На этой кровати, на этом полу, у этой стены — где угодно, лишь бы она продолжала стонать моё имя.

Я сказал ей, что не хочу её терять. И это была правда. Самая честная правда, которую я когда-либо произносил. Я, Амар Сингх, который поклялся никогда не привязываться, признался женщине из другого мира, что боюсь её потерять.

А потом она отстранилась и сказала, что видела всё это во сне. И что её сны сбываются.

Сны. Проклятые сны. С этого момента всё покатилося под откос.

Она рассказала мне про сон о падишахе. О том, как он дарил ей книгу, как целовал её руку, как говорил, что она особенная. И я слушал, и внутри меня закипала ярость — не на неё, нет, никогда на неё. На падишаха. На моего господина, которого я любил как брата, которому я был обязан жизнью. Я ревновал. Впервые в жизни я ревновал к Шах-Джахану.

Он имел право. Он — падишах. Он может иметь любую женщину в империи. Он может иметь десять, двадцать, сто женщин. Но не её. Только не её.

Я ничего не сказал ей. Просто пообещал помочь. Пообещал, что мы придумаем, как остановить его. Но внутри я думал: если он прикоснётся к ней, если он попытается сделать её своей, я не знаю, что сделаю. Я не знаю, смогу ли я остаться верным клятве. Потому что одна клятва — падишаху — теперь боролась с другой клятвой, которую я дал себе: защищать её.

И я не знал, какая из них сильнее.

На следующий день падишах пригласил её на прогулку. В Сад Роз. Я стоял в пяти шагах позади, как всегда — тень, страж, невидимый свидетель, — и смотрел, как он рассыпается перед ней в любезностях.

Он говорил ей комплименты. Он, падишах, властелин мира, говорил комплименты женщине, которая ещё две недели назад валялась в пыли на стройке. Он цитировал её слова — она сказала ему, что в её мире мужчины дарят цветы, когда хотят выразить симпатию, и он, как послушный ученик, запомнил это. Он приказал принести корзины с розами. Десятки корзин. Сотни цветов. Они окружили её, и она сидела среди них, растерянная, прекрасная, и я видел, как падишах смотрит на неё.

Он смотрел на неё так, как смотрят на сокровище. Как на что-то редкое, драгоценное, что хочется запереть в сундук и никому не показывать.

Мои пальцы сжались на рукояти сабли. Я представил, как выхожу вперёд, заслоняю её собой и говорю: «Она моя». Всего два слова. Но эти два слова стоили бы мне головы.

Я промолчал. Я стоял и слушал, как она пытается отвертеться — её дурацкая история про аллергию, её фальшивые чихи, её бессвязные оправдания. Это было смешно и больно одновременно. Она пыталась оттолкнуть его, а он этого даже не замечал. Он был ослеплён.

А потом она заговорила о Мумтаз. О его жене. О женщине, которую он любил — любил ли? — и которая сейчас сидела в гареме, ничего не зная. И я увидел, как изменилось его лицо. На мгновение я увидел тень сомнения. Надежду, что он одумается.

Но он не одумался. Он сказал: «Я никогда не встречал такой женщины, как ты. И я не привык отказываться от того, что хочу».

«Чего хочу». Не «кого». «Чего». Он уже говорил о ней как о вещи. Как о трофее. И от этого моя ярость стала только сильнее.

Когда он ушёл, и я подошёл к ней, она была бледна. Она всё поняла. Она сказала: «Он только что практически признался мне в чувствах. Падишах. Мне».

— Я знаю, — сказал я.

— Что мне делать?

— Для начала — уйти отсюда, пока он не вернулся.

Я взял её за локоть и повёл обратно. Её рука дрожала. Мне хотелось обнять её, прижать к себе, сказать, что я никому её не отдам — ни падишаху, ни богам, ни самой судьбе. Но я не сказал. Я просто шёл рядом и думал о том, как близко мы подошли к краю.

Ночью она снова видела сон. На этот раз — о Мумтаз. О том, как та плачет, и её отец Асаф-хан говорит, что нужно «избавиться от чужеземки».

Она проснулась в слезах, и я прижал её к себе. Я не думал в этот момент о желании. Я думал только о том, что кто-то угрожает ей. Асаф-хан. Старый лис. Я знал его много лет. Я знал, что он способен на всё, чтобы защитить положение своей дочери.

— Он хочет меня убить, — прошептала она.

— Этого не будет, — сказал я. — Я не позволю.

И я не позволю. Я убью любого, кто поднимет на неё руку. Будь то визирь, военачальник или сам падишах. Плевать на последствия. Плевать на клятвы. Она — моя. Даже если она сама этого ещё не понимает. Даже если я сам боюсь это признать.

А потом она выдала свой «гениальный план».

— Я должна стать отвратительной, — заявила она, вытирая слёзы. — Скучной. Невыносимой. Я заставлю его разлюбить меня.

Я смотрел на неё и думал: «Ты не понимаешь, о чём говоришь». Она могла бы быть в мешке из-под картошки, с невымытыми волосами, цитируя скучнейшие трактаты по архитектуре, — и падишах всё равно смотрел бы на неё с интересом. Потому что дело не в её одежде и не в её словах. Дело в ней самой. В её энергии, в её дерзости, в том, как она смотрит на мир — с любопытством, с юмором, без страха. Это нельзя подделать. Это нельзя спрятать.

Но я не сказал ей этого. Пусть попробует. Это будет забавно.

— И что ты собираешься делать? — спросил я.

— Пока не знаю, — призналась она. — Но я придумаю. Завтра.

Мы сидели в темноте, обнявшись, и я чувствовал, как её дыхание становится ровным, как она засыпает в моих руках. Я не спал. Я смотрел на неё и думал: она — моя. Пусть весь мир катится к чёрту. Пусть история, которую она так хочет сохранить, горит синим пламенем. Пусть падишах отрубит мне голову. Я не отдам её.

Никому.

Глава 7. О том, как я пыталась стать скучной

Глава 7. О том, как я пыталась стать скучной

Если вы когда-нибудь пытались намеренно испортить первое впечатление, вы знаете, какая это тонкая наука. Одно дело — ляпнуть глупость случайно. Другое — выстроить многоходовую стратегию по собственной дискредитации. Я, Светлана Кукушкина, кандидат искусствоведения и женщина, которая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.